

Марина
Викторова

РЕНДИ

Жизнь вне времени

«Осторожнее с желаниями.
Они могут сбыться»

Марина Викторова
Ренди. Жизнь вне времени

«РИПОЛ Классик»

2016

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Викторова М.

Ренди. Жизнь вне времени / М. Викторова — «РИПОЛ Классик», 2016

Молодой журналист Георгий Веревкин не любит свою работу, пытается угодить всем окружающим, избегает любых конфликтов и постоянно жалуется на действительность. Однажды вечером он загадывает желание изменить свою жизнь. Мог ли Георгий подумать, что неосторожные слова откроют перед ним новый мир, где легенды прошлого шуточно отражаются в повседневной реальности, персонажи из детских фантазий становятся призраками и лишают покоя своего хозяина, а правит бал тот, кого называют Собирателем Душ.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Викторова М., 2016

© РИПОЛ Классик, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	28
Глава 5	37
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Марина Викторова

Ренди. Жизнь вне времени

BIC FM BISAC FIC009000

© Серегина М., текст, 2016

© Оформление. «РИПОЛ Восхождение», 2016

На протяжении всего времени работы над данным произведением от первой буквы до последней точки мне помогли моя мама, Татьяна Робертовна, и моя подруга, Татьяна Гришина.

Огромное вам спасибо за поддержку, тактичность и грамотность!

Еще хочу поблагодарить моего папу Виктора Серегина за терпение и неоценимый опыт!

*Осторожнее с желаниями,
Они могут сбыться.*

Глава 1

Биография

«Опять опаздываю! Ну что же это такое! – повторяла про себя София, подбегая к многоэтажке. – Зачем я надела эти каблукки?! И эту юбку-капкан?! Будь она три раза неладна! Почему не вышла раньше?! С макияжем и ногтями целую вечность провозилась!» Пот стекал с нее градом, оранжевая блузка начала прилипать к телу. София чувствовала, что сильно натерла ногу и что ее спринтерский забег на шпильках вызывает улыбки у прохожих. *«Волосы растрепаны, как на сапожной щетке, лицо красное. Он наверняка меня прогонит»*, – в голове девушки проносились невеселые мысли.

На самом деле София редко опаздывала, но на этот раз от волнения она долго не могла заснуть и в результате совсем не выспалась. Утром, когда усталость взяла верх над тревогой, желание поспать на пять минут дольше привело к тому, что пришлось наспех делать макияж, догонять транспорт на полном ходу, а потом ехать стоя, прыгать по ступенькам в метро, и снова нестись со скоростью света до остановки. А ведь у нее была назначена встреча не с кем-нибудь, а с Джерри Гарсиа, писателем с мировым именем, чьи произведения давно заморозили ее ум и сердце.

Месяц назад девушка смотрела телепередачу, посвященную 85-летию Джерри Гарсиа. Ведущий спросил писателя, стоит ли поклонникам ждать мемуаров. Джерри шутливо ответил, что, если кто-нибудь предложит идею, как сделать биографию интересной, он с радостью доверит такому человеку ее написание. Эту фразу многие, включая Софию, восприняли всерьез. На следующий день после выхода передачи девушка написала через сайт Джерри Гарсиа свое видение биографии, ни на что особо не рассчитывая. Софии было 26 лет, она работала оператором в колл-центре крупного банка, а институт в свое время закончила по специальности «Экономика», что мало ассоциировалось с творчеством.

Каково же было удивление Софии, когда три дня назад Джерри позвонил ей лично и попросил встретиться. Девушка тут же несколько раз ущипнула себя, убедилась, что не спит, а потом не менее получаса прыгала и носилась по квартире, как маленькая девочка, получившая долгожданный подарок на день рождения. Надеясь произвести хорошее впечатление, София очень долго подбирала одежду, макияж, укладку и даже репетировала манеру поведения. Но она не учла продолжительность пути до дома писателя. Гарсиа жил в новом районе Москвы. От станции метро нужно было ехать еще минут сорок, а потом еще искать нужный дом. *«Хорошо ему, – рассуждала запыхавшаяся девушка, – не нужно каждый день вставать на работу к девяти. Можно жить в доме, где есть бассейн, тренажерный зал и, наверное, Тадж-Махал в миниатюре»*. София улыбнулась своей шутке. Заблудившаяся девушка опаздывала уже на полчаса, но наконец, усилия были вознаграждены. Она нашла нужную дверь и позвонила в домофон.

– Кто это? – раздался мужской голос.

– София Градюшко. Мы договаривались встретиться и обсудить вашу биографию. – Девушка страстно надеялась, что не услышит в ответ предложение пойти куда подальше и больше не опаздывать.

– Входите, – мягко, по-отечески произнес Джерри.

София оказалась в фойе, которое больше напоминало не подъезд, а холл пятизвездочного отеля. Не помня себя от счастья, девушка бросилась к лифту. Она чувствовала то приятное волнение, какое испытываешь перед путешествием в страну, где всегда хотел побывать. Джерри встретил ее у входа в свои апартаменты на последнем этаже.

Среднего роста, одетый в светлые брюки и темно-синюю тенниску, он остался стройным, несмотря на возраст, а благодаря большим глазам насыщенного синего цвета его даже можно было назвать симпатичным. Писатель повел Софию через просторную гостиную, мимо барной стойки в свой кабинет, расположенный на втором этаже. Стены были выкрашены в светло-бежевый цвет, а паркет, наоборот, был темным. Гостиную украшали два белых дивана, большие черно-белые фотографии и причудливая черная скульптура. В кабинете красовался прозрачный стол необычной конструкции на металлических ножках, белые кресла, асимметричные шкафы для книг и документов. Все вокруг дышало легкостью, свежестью, новизной. Сложно было поверить, что хозяин столь модного интерьера уже глубокий старик. Да и по внешнему виду София ни за что бы не дала ему больше 60 лет. Голову Джерри венчала густая белая шевелюра, а ровные белые зубы дополняли приятное впечатление, производимое этим человеком.

«*Интересно, он делал пластику?*» – задумалась София и тут же укорила себя за то, что думает о таких мелочах, когда перед ней стоит один из самых образованных людей своего времени.

– Ну же, София, не стесняйтесь. Задайте тот вопрос, что вертится на языке, – предложил Джерри, садясь в кресло.

– Я... я... – замешкалась девушка. – У вас волосы свои или вы делали трансплантацию? – София смущенно опустила глаза.

– Свои, – Джерри с гордостью провел ладонью по седым волосам, – а вот зубы, конечно, вставные. Мне уже за восемьдесят все-таки. К пластической хирургии я не прибегал. Еще что интересует?

– Как вы поняли, о чем я думаю? – удивилась София.

– Очень просто. Я помню, как познакомился с одним замечательным врачом. Из тех, которые постоянно ездят по благотворительным миссиям, помогают всем и вся. Я уважал ее безмерно и, тем не менее, все время думал, делала ли она увеличение груди или нет. Пятый размер, как-никак. Так уж мы устроены, София. Не забывайте, мы только люди. Интерес к таким прозаическим вещам естественен.

София расслабилась. Ее кумир оказался таким же приветливым и теплым, как родной дедушка.

– Как вам мое жилище? – снова спросил писатель.

– Очень красиво! Работа дизайнера?

– Конечно, но все идеи мои. Всегда хотел отделать свой дом так, как хочется, не задумываясь о функциональности. Я фанат сочетания стекла и металла! А еще люблю контраст. И чтобы ничего желтого и никаких вензелей. Моя домработница периодически ворчит, потому что такой интерьер требует тщательного ухода, но он мне нравится. – Джерри улыбался. – Подобный стиль был очень популярен во времена моей молодости, в 2000-х годах, потом постепенно сдал свои позиции, а сейчас, через шестьдесят с лишним лет, снова вернулся в моду.

«*Наверное, в молодости он был настоящим красавцем и разбивал женские сердца сотнями*», – мысленно предположила София, а затем уже вслух спросила:

– Почему я? У вас, наверняка, был выбор из ведущих писателей и журналистов, но вы предпочли никому не известную девушку, у которой нет опыта подобной работы. И вообще, я, если честно, была очень удивлена, что вы читаете письма со своего сайта.

– Некоторые читаю, когда есть настроение. Будем считать, вам повезло. Я тоже когда-то был никому не известен, закончил не самый престижный ВУЗ, хотя и с красным дипломом. Свою специальность выбрал случайно под воздействием идеи «лишь бы поступить». Это сейчас таблоиды пишут, что я был «перспективным молодым журналистом». На самом деле в 27 лет я работал исключительно ради денег и часто халаявил. Изменить жизнь мне

помогла случайность. Теперь я хочу дать шанс вам. Но это не единственная причина. У каждого произведения есть основная мысль. Ваше видение меня впечатлило. Вы указали, что хотите писать о том, как я получил свой дар.

– Именно, – подтвердила София, – ваши книги полны противоречий. Над ними думаешь снова и снова, к ним возвращаешься. Как у вас это получается?

– Я пишу о жизни, а она полна противоречий. Вы правы, после той передачи мне пришло много предложений. Большинство из них сводились к банальному «родился, дружил, крестился». Вариант 1: никто в него не верил, но он пробился, испытал на своем пути много трудностей. Вариант 2: его поддерживали все близкие люди до седьмого колена, и он сумел достичь успеха. Скучно. Такая биография умрет вместе со мной. Некоторые предлагали сделать акцент на интересных людях, с которыми я знакомился. Не пойму, о ком эти авторы хотели больше написать, обо мне или об «интересных людях».

– В вашей жизни не было места скуке и в биографии ее быть не должно, – поддержала София. – Кстати, как мне следует вас называть?

– Да как удобно. Мое полное имя Георгий Константинович Веревкин, если интересно.

– А творческий псевдоним? Почему Джерри Гарсиа?

– Меня с детства называли Джерри. Согласитесь, звучит гораздо лучше, чем Жора или Гоша. Родители говорили, что я похож на мышонка из мультфильма «Том и Джерри», где кот гоняется за ним и не может поймать. Ребенком я обожал этот мультик, да и сейчас не прочь его посмотреть. В школе меня тоже называли Джерри. В институте не было смысла менять привычку. Так что это мое сокращенное имя.

– А фамилия?

– Редактор сказал, что «Джерри Веревкин» звучит несолидно. Мне понравилось сочетание «Джерри Гарсиа», редактору тоже.

– Но говорят, что вы ценитель испанской культуры и...

– ... и то, что я сочувствую националистам в Мексике, – прервал писатель. – Мы ищем глубокий смысл там, где его нет, а простое объяснение «мне так нравится» принимаем за искусную маскировку страшной тайны. Так мне сказал один неглупый человек.

– Наверное, причина в том, что людей приучают игнорировать свои желания, не доверять интуиции, – предположила София.

– Да, вы правы.

– Георгий Константинович, почему вы живете в Москве? С вашими деньгами можно купить замок во Франции или поместье в Калифорнии.

– Я люблю путешествовать. Мне понравилось и во Франции, и в Калифорнии, но мой дом – Москва. Здесь я вырос. Эта квартира достаточно велика для меня одного, а хлопот с ней меньше, чем с загородным домом и уж тем более с замком. Для справки, все то, что вы видите, является результатом грамотного инвестирования, а не только творческой деятельности. Одними гонорарами столько не заработаешь.

– Практично! Каково это – быть наверху? Не устали от славы?

– Устать от славы? Нет. Я слишком долго был неизвестным. Сказать по-честному, без слезливых речей? Быть наверху потрясающе. Я могу позволить себе быть щедрым, бескорыстным. И в тоже время, если захочу, могу вообще ни с кем не общаться. Могу рассуждать открыто, не боясь, что меня выгонят с работы. Сегодня я учусь водить самолет, завтра буду заниматься скалолазанием в Альпах, послезавтра отправлюсь в круиз на яхте. Весело!

– Я завидую вам, – с ноткой грусти в голосе произнесла София. Она-то обдумывала каждое свое слово, чтобы коллеги не отвернулись или близкие не бросили. А уж о самолетах и яхтах при ее зарплате и речи быть не могло.

– Возможно, это ваше будущее, если хорошо постараетесь с моей биографией, – заметил писатель.

– Тогда начнем. – В голосе девушки слышался энтузиазм. – Вам понравилась моя идея биографии. Так в чем же секрет? Что за случайность помогла вам обрести свой дар?

– Шестьдесят три года назад я загадал желание, – таинственно произнес Джерри. – Впрочем, обо всем по порядку...

Глава 2 Встреча

В 2009-м году, в возрасте двадцати двух лет, я отпраздновал окончание института с красным дипломом и очень этим гордился. Почему пошел именно на факультет журналистики? Да без понятия. В один прекрасный день меня, как молотком по голове, стукнуло – хочу быть журналистом, мечтаю рассказывать о наболевших проблемах, разоблачать всех и вся. В то время все хотели быть журналистами, экономистами, юристами, банкирами.

Когда пришла пора искать постоянную работу, меня некому было устроить. Все родственники работали в совершенно других сферах, а человека с улицы мало кто возьмет. Я попал в замкнутый круг: не берут, потому что нет опыта, и нет опыта, потому что не берут. Первая работа была вовсе не в журналистике, а в телемаркетинге: нужно было звонить и предлагать посещение семинаров по инвестициям. Проработал я там ровно две недели. За это время меня послали больше раз, чем за всю предыдущую жизнь. Потом я устроился в одну из транснациональных корпораций по подрядному договору на семь месяцев копирайтером. За это время мой мозг выкушали до последней извилины. Ради любой мелочи приходилось получать одобрение пяти разных людей, которые никак не могли между собой договориться, но виноватым в срыве очередного дедлайна почти всегда оказывался я. И тем не менее положенные семь месяцев я отработал. Когда по истечении этого срока мне предложили перейти в штат, я отказался, боясь за свои расшатанные нервы.

После краткого отдыха я снова стал рассылать резюме и ходить на собеседования. Как ни странно, меня почти сразу взяли в «Общественную газету». Получал я мало, зарплата едва дотягивала до среднего по Москве уровня, хотя особым талантом я тоже не блистал. Меня устраивало, что там было относительно спокойно и с коллективом установились более-менее хорошие отношения.

Мне было двадцать семь с хвостиком, когда моя жизнь совершила крутой вираж. Действительно близких друзей у меня так и не появилось, жил я один, карьерных перспектив тоже не предвиделось. В конце мая я отправился на выставку современной живописи, надеясь, что придет вдохновение и я смогу написать приличную статью. Народу там собралось не очень много, а картины отдавали большой претензией. На одних были начерчены геометрические узоры, на других – цветы, как их обычно рисуют дети, на третьих красовались люди, которых, казалось, переехали танком. Я неспешно бродил по залу, отпуская про себя колкие замечания, как вдруг мое внимание привлекла одна работа. Она висела в дальнем углу зала, почти незаметная. Я подошел. На картине был изображен человек на фоне вспаханного поля. Позади него стоял плуг, а вдалеке виднелись вершины гор. Небо заволочло тучами, как перед грозой, но лицо главного героя выражало непоколебимую уверенность и спокойствие. Одет он был совсем не как пахарь: темная рубашка, кожаная жилетка и такие же штаны. Мужчина стоял спиной к приближающейся стихии и совсем не волновался об опасности. Глядя на картину, я не мог понять, каким образом она оказалась на выставке современного искусства, когда такой стиль больше свойствен художникам эпохи Возрождения.

– Его зовут Кристиан, – послышался тихий голос.

Я обернулся и увидел человека примерно сорока лет. Он был из тех людей, которых невозможно забыть: среднего роста, стройный, с черными, как смола, волосами, достигающими ему до плеч; кожа у незнакомца была смуглой, как после поездки на юг, черты лица безупречно правильные, нос немного заострен, волосы подстрижены неровно (сзади длиннее, спереди короче). Но больше всего поражали искрящиеся, как два изумруда, зеленые

глаза. Мужчина смотрел на меня прямо и, казалось, видел насквозь, а черные классические брюки и темно-фиолетовая рубашка придавали ему демонический вид.

– Я Ренди, – представился незнакомец.

Интонация звучала так, будто я должен был его знать. С тем же успехом он мог сказать: «Привет, я президент России». Я молчал, не зная, как реагировать, и чувствовал себя очень неловко. На губах Ренди появилась легкая улыбка, зеленые глаза блестели, как у фокусника, который собирается поразить зрителей новым трюком и заранее знает, что все раскроют рты от удивления и восторга.

– А... меня зовут... – промямлил я.

– Джерри, – поправил мой новый знакомый. – Хочешь знать историю Кристиана? Вижу, что хочешь. Ты же сам меня позвал.

Я не мог поверить в то, что слышал. В голове вертелось десяток вопросов и предположений: «*Кто он? Откуда меня знает? Может, по газете.*»

– История, окончание которой ты видишь, началась очень давно, в другую эпоху и в другой стране. Это было время чудес, когда правили короли, а рыцари странствовали по свету, движимые мечтами о подвигах и вечной славе, – не дождавшись моего ответа Ренди начал рассказывать о человеке на картине.

Голос оказывал на меня гипнотическое воздействие. В моей голове стали проноситься образы, похожие на те, что приходят в сновидениях. Как зачарованный, я слушал, не в силах пошевелиться или вставить слово.

– От своего дедушки, – продолжил Ренди, – Кристиан унаследовал титул рыцаря и небольшое имение, больше походившее на деревню. Управление хозяйством мало привлекало его романтическую, мечтательную натуру. Авантюрный характер в сочетании с нехваткой денег толкнули Кристиана на поиск приключений. В отсутствие реальной войны он стал участвовать в рыцарских турнирах, эдаких боях понарошку, где можно снискать славу и внимание прекрасных дам.

Постепенно Кристиан добился известности и даже удостоился чести выступать перед королем. В тот день, став героем-победителем, он от счастья несколько раз поцеловал землю, принесшую ему победу. На следующий год молодой рыцарь отстоял свой титул, но былой радости не почувствовал. Ее место занял страх неудач, но Кристиан был слишком молод, чтобы отказаться от выступлений и в то же время слишком горд, чтобы пережить поражение. Даже восторженная толпа поклонников перестала его вдохновлять; Кристиан понял, что больше всего людей радуют поверженные кумиры. Он боялся позора, смеха, а еще больше равнодушия: проигравшие никому не нужны.

Шел третий год, и Кристиану нужно было вновь отстаивать свой титул. Тренировки уже давно стали в тягость, победы давали лишь временное ощущение покоя. В голове Кристиана все время вертелась одна и та же мысль: «*А что будет завтра? Что, если следующий противник окажется сильнее?*» Подавленный, уставший, он все же дошел до финала королевского турнира, где должен был встретиться с одним герцогом. Это был сильный, баснословно богатый и таинственный человек. Он участвовал в турнире первый раз и, тем не менее, выступал блестяще. О жизни герцога и происхождении его состояния никто ничего не знал. Поговаривали, что герцог на самом деле колдун. Перед встречей с ним Кристиан плохо спал, сильно волновался и в результате встал весь разбитый. Ему казалось, что доспехи жмут, меч скользкий, копьё неправильно сбалансировано, а любимый конь будто сговорился со снаряжением, желая, чтобы потеря титула для его хозяина выглядела как можно постыднее.

Дали сигнал, рыцари понеслись навстречу друг другу, Кристиан почувствовал мощный удар копьём в грудь. Он удержался в седле, но с ужасом понял, что герцог вложил в удар не всю свою силу, будто заманивая жертву, и следующего удара он, Кристиан, не выдержит

и останется лежать в пыли, проиграв самым позорным образом. Поднимая копьё во второй раз, герцог пристально смотрел на своего соперника, как хищник, готовящийся нанести coup de grace, удар смерти. Собрав последние силы, Кристиан погнал коня вперед. Но вдруг, в последний момент, соперник отвел копьё и подставил себя под удар. Кристиан выиграл.

Упавший с лошади герцог быстро поднялся, как будто совершенно не чувствовал боли. Полный достоинства, он подошел к сопернику и поздравил его с победой. Такой исход поединка вызвал у Кристиана смешанные чувства. С одной стороны он испытывал облегчение, с другой – досаду, понимая, что противник поддался.

После турнира последовал прием, где Кристиан мужественно выдержал все поздравления. Улучив момент, он сбежал с пира, чтобы найти герцога. От болтавшихся без дела оруженосцев Кристиан узнал, что соперник еще не уехал и что его лагерь находится на северных холмах. С большим трудом Кристиану удалось их отыскать. Ничего не различая в темноте ночи, он пробирался среди телег, куда уже были погружены вещи герцога, и лошадей. Похоже, что все в лагере уже спали, так как не было костров.

Внезапно кто-то окликнул молодого рыцаря:

– Чем обязан такому визиту?

Кристиан обернулся. Прямо за ним стоял темноволосый мужчина в походной одежде с яркими зелеными глазами.

– Я жду герцога Нормандского – рассеянно ответил Кристиан, не узнав своего соперника без доспехов.

– Он перед вами, – холодно произнес рыцарь.

– Только один вопрос – зачем вы дали мне победить?

– Это ты зависишь от мнения толпы, а не я. Я только развлекаюсь, а для тебя победа – это вопрос жизни или смерти. Значит, тебе она нужнее. – Герцог говорил с молодым рыцарем, как мудреный опытный учитель с ребенком-учеником.

Минуту Кристиан стоял молча, потом снова спросил:

– А разве можно не волноваться о том, что о тебе подумают другие люди, не чувствовать страха перед поражением?

– Конечно, – с отеческой мягкостью ответил герцог. – Не думать легко, достаточно просто приказать себе, и все. Не чувствовать сложнее. Тут только один способ.

– Какой? Скажите! – резко прервал Кристиан.

Герцог пристально взглянул на собеседника, будто проверяя его, потом продолжил:

– Истинная независимость и одиночество неразделимы. Это две стороны одной медали. Ты готов к таким последствиям?

– Готов! – согласился Кристиан. – Я сделаю что угодно, чтобы перестать бояться совершить ошибку и неизбежно следующих за ней насмешек.

– Раз так, слушай внимательно. – Герцог хитро улыбался. – Поймай трех ведьм, которые пытаются человечество, запряги их и вспаши Алкидово поле. Одну ведьму ты найдешь в Святой земле, одну – на затонувшем корабле, одну – в алмазной долине.

– Спасибо! Я так и сделаю, – твердо ответил Кристиан.

– Не за что. Смотри не пожалей, – предупредил герцог.

– Не пожалею. – Кристиан направился к своей палатке.

Отойдя от лагеря герцога на довольно большое расстояние, молодой рыцарь понял, что забыл задать главный вопрос. Он резко обернулся и крикнул:

– А как мне поймать ведьм?

– Назови их по имени, – издали прозвучал голос герцога.

В ту ночь Кристиан не спал. Снова и снова в его голове всплывали слова герцога: «*Одну в Святой земле, одну на затонувшем корабле... По имени*». На следующий день он решил отправиться в Иерусалим, то есть в Святую землю. Из трех названных мест Кристиан знал

только его. Раньше он никогда там не был и представлял этот город светлым и чистым, тем местом, где на человека снисходит благодать. Весь путь до Иерусалима Кристиан радовался как ребенок в ожидании Рождества, представляя себе золотые купола, счастливых людей и музыку, отзывающуюся в вечности.

Как это часто бывает, реальность оказалась далека от мечтаний и фантазий. Несмотря на то что священный город был уже близко, дороги лучше не становились. Та же грязь, захудалые трактиры, мошенники с постоянных дворов и прочие удовольствия, неизменно сопровождающие путешественников. В Иерусалиме все оказалось таким же, как и в прочих больших городах, и даже хуже: удушающая пыль, запах потных тел, бродячие животные, больше похожие на скелеты, и толпы народа с сумасшедшими глазами. Рядом с храмами располагались многочисленные лавки менял, а постоянный шум буквально сводил Кристиана с ума.

Вместо внутреннего просветления им владело только одно желание – поскорее покинуть это душное место. Трактирные жулики показались ему не такими уж и противными по сравнению с религиозными фанатиками, на каждом шагу кричавшими о конце света. Собираясь в путешествие, Кристиан думал, что ведьма находится в одном-единственном темном углу города, но оказалось, что весь город представляет собой одну большую темную яму.

В небольшой гостинице, где остановился Кристиан, из-за большого количества постояльцев нельзя было и шагу ступить, чтобы не наткнуться на чьи-то засаленные волосы или покрытое вековой грязью плечо. Еда без тараканов представлялась чудом, а из щелей смотрели откормленные крысы размером с кошку.

Перед перспективой получить проклятие от местных проповедников и расстройство желудка энтузиазм найти ведьму стал резко угасать. В свою первую ночь в Иерусалиме Кристиан проворочался до утра. Ему чудилось, что крысы, которых никто и не думал ловить или выкуривать, уже решили, в каком виде его съесть и мешают им только клопы, которым мясо Кристиана показалось таким деликатесом, что те всю ночь не оставляли беднягу в покое. С рассветом окончательно вымотанный юноша решил послать все куда подальше и вернуться домой. Хозяин трактира еще спал, но Кристиан с таким отчаянием бил в дверь, что тот проснулся, а увидев красные глаза, надетую задом наперед рубашку и бешеный взгляд раннего посетителя, поспешил перекреститься. На предложение расплатиться он ответил, что испугался, так как подумал, что это покойный тесть встал из могилы, чтобы спросить долги.

Поскорее рассчитавшись, Кристиан поспешил к воротам. Постепенно город начинал просыпаться. Паломники, солдаты, монахи начали выходить из своих укрытий, источая неповторимую смесь ароматов густонаселенного города. Уже почти у самых ворот Кристиан увидел почти голого слепого калеку. Бедолага, у которого не было обеих ног, а по всему телу рассыпались язвы, ползал со своей шапкой и что-то бормотал, пытаясь собирать милостыню. Мимо проходили люди, крестясь, славя Бога и святой город, недалеко от калеки солидного вида дворянин умолял монаха дать ему благословение, а группа солдат-англичан готовилась затеять драку с турками. Епископ с огромным крестом на груди важно шел по улице, весь преисполненный святости. Видимо, отдавшись небесному созерцанию, он не заметил ползающего безногого инвалида и наступил тому на руку. Бродяга вскрикнул, епископ поспешил отдернуть край своего богатого облачения и отойти от больного. *«Никакого сострадания, – подумал Кристиан, – и они еще называют себя служителями Бога»*. Молодой рыцарь отдал калеке половину припасов, немного денег и куртку, за что получил страстное обещание молиться за него до конца дней. *«Твой конец уже скоро»*, – подумал Кристиан, глядя на язвы.

И вдруг среди толпы он увидел мелькавшую фигуру женщины. Она шла, не касаясь земли, и словно проходила сквозь людей. Седые волосы окутывали ее словно плащ, черное рубище развевалось на ветру, но лицо показалось ему почти молодым. Она только ухмыль-

нулась, бросив на юношу короткий взгляд своих красных глаз и скрылась за углом. Очнувшись от удивления, Кристиан понял, что нашел первую из трех ведьм, и бросился за ней в переулок. Он бежал так быстро, как только мог, но ведьма была неуловима словно свежий ветер. Издеваясь над запыхавшимся преследователем, она не спешила исчезать, а только летела над землей, периодически останавливаясь, чтобы затем продолжить свою игру. Кристиан споткнулся и упал между наваленных заплесневелых досок, попутно расцарапав себе руки, лицо и одежду.

– Стой! – закричал он ведьме. – Я знаю твое имя! Ты заставляешь слепо следовать за собой, совершать безумные поступки, а потом разочаровываться.

Стоило ему произнести имя, как ведьма остановилась и покорно подошла к нему.

– Теперь я в твоём распоряжении. Когда я понадобится, назови меня по имени еще раз. – Голос ведьмы звучал очень приятно, подобно журчанию реки.

Когда Кристиан поднялся на ноги, ведьма исчезла, но он знал, что та в его власти. Все, что говорил ему герцог на турнире, оказалось правдой. *«Вторая ведьма должна находиться на затонувшем корабле, – вспомнил юноша, – а вот на каком – это загадка. Мало ли их в море»*. Но хотя шанс найти нужный корабль был невелик, Кристиан все же решил попытаться довести дело до конца.

Скрыв свое дворянское происхождение за простой одеждой, он нанялся матросом на торговое судно и отправился в плавание. За время путешествий особых приключений с ним не происходило, дни проходили однообразно. За бортом Кристиан наблюдал вовсе не русалок и огромных спрутов, о которых рассказывали ему в детстве, а только бесконечную гладь моря. Бывали, конечно, и штормы. Он не раз боялся за свою жизнь, но в конце концов привык. В таких условиях нечего было и надеяться посмотреть мир. Порт, погрузка-разгрузка, ссоры с хозяевами – вот к чему сводилась вся жизнь Кристиана. После трех месяцев плавания он начал думать о том, что никогда не найдет этот затонувший корабль с ведьмой, но удача явно была на стороне Кристиана.

Каждый моряк знал легенду о «Полуночном вепре», проклятом корабле, который многие века бороздит океаны. По легенде он принадлежал Роко, отпетому головорезу, не знавшему ничего святого. На море не было командира страшней, самоуверенней и коварней. Однажды Роко и его команда напали на испанский галеон. Им легко удалось захватить корабль, но через несколько дней среди пиратов вспыхнула эпидемия холеры, принесшая больше ущерба, чем королевский флот. К счастью, на захваченном испанском галеоне находился священник, знавший, как вылечить больных. Он обещал помочь в обмен на то, что пленных отпустят, а сами пираты начнут вести честную жизнь. Роко согласился, и священник сдержал слово. Большая часть команды и пленных выздоровели. Однако после этого в пылу гнева пираты убили своего спасителя, повесив на рее. За это они были обречены скитаться по морям в поисках прощения. Моряки верили, что, если на море повстречаешься с «Полуночным вепрем» и услышишь оттуда крики: «Прощаете ли вы нас?», нужно ответить: «Прощаем, плывите с надеждой». Всем было известно, что, если этого не сделать, проклятая команда «Полуночного вепря» потопит корабль.

Кристиан считал эту историю очередной байкой, которую придумали, чтобы было чем заняться в долгие часы штиля, но спустя 14 месяцев службы на корабле ему на собственном опыте пришлось убедиться в том, что некоторые мифы основаны на реальных событиях.

Как-то раз, когда Кристиан нес обычную вахту, мечтая о возвращении домой к привычной жизни, ветер резко сменил направление, на горизонте что-то вспыхнуло, а потом повисла мертвая тишина. Сначала Кристиан подумал, что начинается гроза, но на небе не было ни одной тучи, а ветер почти совсем стих. Корабль резко потрянуло. На палубу выскочил боцман:

– Эй, Крис, если по твоей милости мы наскочили на мель, скорблю акулам!

– Какая мель может быть посреди моря?! – ответил Кристиан.

Корабль встряхнуло еще раз. Скоро повыскакивали другие матросы, из своей каюты вышел капитан. Все недоуменно переглядывались, никто не мог понять, что происходит. Из темноты показался стройный силуэт неизвестного корабля. Матросы начали перешептываться. Капитан посмотрел в подзорную трубу и встал как вкопанный. Боцман взял у него трубу и тоже посмотрел вдаль.

– Это он, – со страхом произнес боцман, – это... «Полуночный вебрь».

Несколько секунд все молчали, потом началась паника. Те, кто еще недавно смело бросался в бой с морской стихией, кинулись врассыпную, пытаясь спастись. Многие упали на колени и стали молиться. «Полуночный вебрь» медленно подплывал. Кристиан стоял у самого борта, не пытаясь найти укрытие. Снова в его голове пронеслись слова герцога: «Одну на затонувшем корабле».

– Прощаете ли вы нас? – раздалось с палубы «Полуночного вебря».

– Нет! – как сумасшедший, закричал Кристиан, прежде чем кто-либо другой сумел открыть рот. – Не прощаем! И не будет вам места в этом мире!

– Крис, что ты наделал! – крикнул боцман.

Но вместо описанной в легенде жаркой битвы произошло неожиданное: «Полуночный вебрь» рассыпался, как песочный замок, на море снова воцарился покой. И в эту минуту Кристиан увидел вторую ведьму. Она стояла рядом с ним. Это была красивая женщина средних лет с аккуратной прической, в развевающемся на ветру шелковом платье.

– Кристиан, – ласковым, почти материнским голосом произнесла она, – зачем ты здесь? Ты достоин гораздо большего. Только позволь помочь. Ты станешь победителем турниров, величайшим из всех, Первым Рыцарем.

Воспоминания нахлынули на Кристиана, но, наклонив голову, он увидел, что ногти у ведьмы почти полметра длиной и она уже готова использовать свое страшное оружие, только ждет, когда жертва поддастся искушению.

– Ты уже терзала меня своими когтями. Они страшны, ты впиваешься и треплешь плоть снова и снова, пока не остается ничего, кроме отчаяния. Я выдохся, мне больше не быть героем турниров. Я это знаю, но теперь я знаю и твое имя.

Когда он произнес имя ведьмы, в пустоте раздался дикий, душераздирающий крик.

– Ты победил, – произнесла ведьма. – Когда я буду нужна, снова назови меня по имени.

Утром на корабле решили, что вообще ничего не было и что всему виной ром. Версию с выпивкой приняли, и никто даже не вспомнил, что весь ром выпили еще две недели назад во время празднования дня рождения капитана. Ну что же делать, людям свойственно защищаться вымыслом от неизвестного. Если истина находится за рамками привычного, мы предпочитаем обманывать себя.

Долгое время Кристиан не мог понять, что такое алмазная долина. В конце концов он решил истолковать это название буквально. Юноша отправился к графу Анжуйскому, хозяину алмазных копий. «Кому, как не потомственному владельцу приисков знать, где может находиться алмазная долина», – рассудил Кристиан. Как трехкратному победителю королевского турнира ему были открыты дороги во все знатные дома. Кроме того, плавание пробудило в сердце Кристиана острую ностальгию по родной земле и дворянскому обществу.

Граф Анжуйский славился не только алмазами, но и своим умением веселиться: охота, пиры, любительские турниры – все это захватывало его гостей, как ветер – сухие листья. На фоне всего этого веселья, как звезда на ночном небе, блистала она, леди Бьянка, жена графа. Само воплощение красоты, ума и грации, она заставила Кристиана забыть о ведьмах, свободе и поисках. Только Бьянка волновала его мысли, только для Бьянки хотел он совершать подвиги. Поэзия, тайные встречи – все прелести романтики открылись Кристиану. Он никак не мог поверить в то, что самая лучшая из женщин отвечает ему взаимностью. Бьянка

даже стала просить спасти ее от графа, постоянно рассказывая, как она несчастна и как ей надоело жить с нелюбимым мужем.

Запланированный побег непременно бы состоялся, если бы не одно событие накануне. После охоты солидно подвыпивший граф Анжуйский стал рассказывать, как дрался за Бьянку на дуэли с ее первым мужем, как победил и теперь прекраснейшая из женщин принадлежит ему. Обычное хвастовство укололо Кристиана в самое сердце, пелена влюбленности спала с его глаз. В середине ночи, когда граф уснул, Кристиан отправился к Бьянке. За время их встреч он научился незамеченным проходить в комнату графини.

Бьянка приняла любовника довольно сурово.

– Ты не можешь приходить, когда вздумается, – начала свою нотацию графиня.

– Я пришел, чтобы попроситься, – прервал ее Кристиан. – Граф дрался за тебя на дуэли. Похоже, ему ты также говорила, что несчастна. Он, твой первый муж, я... никто из нас не лучше и не хуже другого. Просто ты любишь новизну и не способна быть преданной. Ты приз для победителя, пока он таковым является. Награда желанная, но временная.

Бьянка замерла подобно статуе не в силах произнести ни слова, но лицо ее выражало скорее удивление, чем боль. В этот момент Кристиан увидел, как с его шеи спало кольцо раба, а рядом стояла третья ведьма. Юноша осознал, что все это время она водила его на поводке, как комнатную собачку. До пояса это была юная и прекрасная девушка с золотыми волосами, но ниже у нее был отвратительный змеиный хвост. Ведьма извивалась от злости, а из ее рта торчал раздвоенный язык.

– Ты коварная, – сказал ей Кристиан, – ты дергаешь за ниточки, словно кукловод, а твое главное оружие – яд. Наконец я понял, как тебя зовут! – Дальше он назвал ее по имени.

– Если понадобится, назови еще раз, – злобно прошипела ведьма и исчезла.

Поиски ведьм были завершены. Оставалось Алкидово поле. В известном мифе говорилось, что Алкид был талантливым флейтистом и даже решился бросить вызов самому Аполлону. Во время состязания в искусстве музыки Алкид оказался равным своему сопернику, за что с него была содрана кожа. Так боги Олимпа наказали флейтиста за проявленную дерзость.

В поисках поля Кристиан отправился в Грецию. После двух лет путешествий, расспросов и догадок Алкидово поле, символ непокорности высшим силам, было найдено. Там Кристиан снова назвал имена ведьм, а когда те явились, запряг их вместо волов. С каждой бороздой заботы уступали место покою и благодати; страсти, желания, сомнения испарялись из сердца подобно каплям воды на жарком солнце. Неуверенность сменилась ясностью ума, а жажда признания – отрешенностью. Закончив работу, Кристиан отпустил ведьм. Ничто в мире его больше не волновало. Кристиан встречал рассвет без страха перед будущим, обретая то, что он хотел – истинную свободу.

А звали трех ведьм ВЕРА, НАДЕЖДА и ЛЮБОВЬ.

С последними словами Ренди образы в моей голове исчезли. Придя в себя, я медленно произнес:

– Это... это очень необычно. Вера, Надежда и Любовь – ведьмы?!

– О, да! Разве ты сам не почувствовал двойственность веры, пытки надежды и яд любви? Когда верил, что сможешь стать журналистом, когда надеялся найти сенсацию и когда решил, что любишь писать статьи.

– Мы уже на «ты»? – рассердился я на столь бесцеремонное вмешательство в свою жизнь. – Вы ничего обо мне не знаете.

– Ошибаешься, – с невозмутимым видом ответил Ренди. – Разве не ты вчера вечером, глядя с балкона на ночной город, говорил, что хочешь понять многогранность мира.

От шока у меня отвисла челюсть. *«Да, так оно и было, – вспомнил я. – Вечером я вышел на балкон в романтическом настроении. Любуясь огнями, стал размышлять о том,*

как мало знаю о жизни, и, кажется, сказал вслух, что хочу понять все грани этого мира. Но откуда он может это знать?! Такого соседа у меня точно нет. Живу я на десятом этаже, так что услышать с улицы невозможно».

– Видишь, – продолжил Ренди, – ты сам многого о себе не знаешь. Желание понять многогранность мира настолько необычно, что я решил его выполнить. Не сомневайся, мы еще встретимся. А пока небольшой совет – эта выставка – бардак, никакого отношения к современному искусству она не имеет. Ты же так думаешь? Тогда так и напиши в своей статье. Помнишь поговорку «Не знаешь, как соврать, говори правду».

С этими словами он повернулся спиной и направился к выходу. Я не пытался его остановить, не сказал «до свидания». Удивление, страх, гнев, интерес – не знаю, чего было больше. В тот момент я четко осознал, что моя унылая дорога решила сделать крутой поворот. Позже я написал статью «Пара клякс – и ты звезда», одну из немногих, которые действительно удались.

Глава 3

Перемены не всегда к лучшему

Прошла неделя с тех пор, как я встретил Ренди. За это время он успел стать для меня навязчивой идеей. Куда бы я ни пошел, везде мне чудились его лицо, мягкий голос, проникновенный взгляд, черные волосы. Возможно, я так увлекся потому, что он был чем-то из ряда вон выходящим. Нет, сюрпризы, конечно, происходят каждый день, но обычно это аварии на светофоре в час пик, внеплановое отключение горячей воды или очередной федеральный закон, который, если судить по содержанию, писала группа школьников в ночь выпускного бала.

В кругу общения новые лица появляются постоянно, но правила поведения с ними заранее определены: светская беседа, рукопожатие, несколько шуток, ненавязчивый комплимент. Иногда все это забавляет, иногда наводит тоску. А как же хочется, чтобы как в кино, при первой встрече услышать проникновенные слова, задуматься. За годы бесполезной работы, пробок и холода сердце пустеет, и ты постепенно доходишь до состояния, когда вообще нет никаких желаний. Но даже когда все ставки сделаны и жизнь проходит на автопилоте, ты все равно, подобно Алисе из Страны чудес, тайно мечтаешь о чем-то новом, волшебном.

В начале июня мне предстояло посетить то ли форум, то ли выставку-ярмарку (тогда было много модных названий). Мероприятие посвящалось PR-технологиям, маркетингу и рекламе, то есть тому, что для меня было китайской грамотой. Никогда не видел смысла в скидках на то, что тебе не нужно, акциях, сообщении о которых присылают в последний день, и бесконечных распродажах. Для меня цены всю жизнь делились на «дорого» и «нормально».

Тем не менее в назначенный день я приехал в «Крокус Экспо», одно из самых интересных мест в Москве. Пусть я не был фанатом маркетинга, мне все равно нравилось бродить по выставочным залам, оценивать стенды, рассматривать новенькие буклеты, чувствуя запах канцелярской краски. Все это давало мне временное ощущение увлекательной игры.

Я занимался изучением очередного каталога рекламного агентства, как вдруг услышал знакомый голос:

- Мне тоже здесь нравится. Абсолютно бесполезно, но красиво.
- Что вы здесь делаете?! – Я не смог скрыть свою радость, когда увидел Ренди.
- Пришел показать тебе одного человека, – последовал завлекающий ответ.
- Не верю! Вы же не могли знать, что я здесь буду!

Ренди только усмехнулся:

- Я всегда знаю, где ты будешь. Пойдем, скоро начнется.

Не решившись на дальнейшие расспросы, я молча последовал за Ренди (в дальнейшем я еще не раз буду идти за ним). Мы зашли в светлый зал, где стройными рядами стояли мягкие стулья, а впереди висел белый экран для проецирования слайдов.

В школе учат, что принцип местничества и кормления сформировался при Иване Грозном. В царской России, если боярин сел не на свое место, его могли оттащить за бороду, а то и побить. С тех пор ничего не изменилось. Я почувствовал на себе этот принцип еще до того как узнал, кто такой Иван Грозный. В средней школе у меня начало портиться зрение. В седьмом классе, когда мы с родителями только переехали в Москву, я уже ничего не мог разобрать с доски, если сидел дальше первой или второй парты. На расстоянии больше метра текст начинал расплываться, но родителям я не признавался, боясь, что меня я посчитают хлюпиком. Подозревая о проблеме, мама с папой периодически спрашивали меня: «Джерри, посмотри, что там написано?» Пришлось выучить все стандартные надписи в общественном

транспорте вроде «Места для инвалидов, лиц пожилого возраста и пассажиров с детьми». Перед школьной диспансеризацией я заучил всю таблицу, которую принято вешать в кабинете окулиста. К тому времени я четко видел только первые две буквы, но благодаря своей памяти получил в карту запись о стопроцентном зрении.

Нормальные оценки в школе были своеобразной зарплатой. Они гарантировали мне доверие родителей и действительно полезные подарки по праздникам, вроде радиоуправляемой машинки, а не какие-нибудь книжки. Получать такие оценки гораздо проще, когда видишь написанное на доске. Таким образом, от места напрямую зависели качество моей учебы и мое благосостояние. Пару раз из-за места мне даже пришлось подраться. В первую неделю учебного года решалась судьба на весь год: если сел на неудобное место, изменить его потом было невозможно. Особенно важной парта становилась в кабинете математики. Перед первым уроком у двери кабинета собирался весь воинственно настроенный класс. Медленно подходила учительница. Народ расставлял локти, готовясь ими работать. Математичка открывала дверь, и начиналось родео. Слышались крики: «Первую парту не занимать!» – и ответы: «Да пошел ты!» Единой волной, как стадо быков, которое одолели слепни, мы вламывались в кабинет, наступая друг другу на ноги. Выигрывали, как правило, те, кто был в первых рядах, но даже после того, как ты положил портфель на желанное место впереди, нужно было еще его отстоять. Стоило сесть на стул, и какой-нибудь нахал подходил с фразой: «Я занимал». Тут я стоял до последнего. Проще было один раз поругаться, чем потом весь год шуриться, пытаясь рассмотреть задание. Как правило, я выигрывал спор. Потом мы подросли, престижными стали считаться места на галерке. В старших классах я, к своему удовольствию, мог сесть на первую парту в любом кабинете без всяких споров, так как другие желающие находились редко. Только в институте я стал носить контактные линзы и перестал переживать по поводу плохого зрения, хотя симпатия к первым партам сохранилась и по сей день.

Конечно в школе все мы люди подневольные, но, как оказалось, вне зависимости от возраста на всех курсах и тренингах действует тот же самый принцип местничества и кормления. Первые места всегда зарезервированы для особо важных гостей. Как и в школе, я приходил заранее, чтобы занять стратегически выгодную позицию. Разница была только в том, что теперь никто не пытался согнать меня кулаками.

Как только мы зашли в зал для презентации, Ренди показал мне на VIP-место в первом ряду.

– Сюда точно можно сесть? – недоумевал я.

– Мне можно, – ответил Ренди. – Многогранность мира лучше познавать, не отвлекаясь на чужие головы. Скажи, как ты думаешь, человек может изменить себя?

– Думаю да, – ответил я, опускаясь в мягкое кресло.

– И что для этого нужно? – Ренди смотрел на меня, как профессор на студента.

– Желание... – Я растерялся, так как совершенно не понимал, к чему этот разговор.

– Желание – это даже не полдела, – Ренди улыбался. – Вот у тебя есть желание стать успешным журналистом?

– Конечно!

– Что мешает? – Ренди задал вопрос, над которым я думал с момента окончания института.

Я хорошо писал, обладал замечательной памятью, но не умел оказываться в нужном месте в нужное время. Вам случалось смотреть фильмы про бойких акул пера, которые общаются со всем миром, не боятся поехать в горячую точку, дать взятку, легко встают в четыре утра и в последний момент успевают улететь на Мадагаскар в багажном отделении без визы? Так вот, этот образ полная противоположность мне. Я и ради спасения мира не способен встать на час пораньше, а всем путешествиям и приключениям предпочитаю тихий

вечер у телевизора. Собственно я прихожу на работу к девяти утра скорее для того, чтобы создать видимость упорного труда, чем из-за требований начальства.

Поразительно, но, видя Ренди второй раз в жизни, я чувствовал себя рядом с ним так, как будто мы друзья детства, которые делятся любимыми секретами. Снова я обратил внимание на внешность собеседника. В этот раз он был одет в классический темный костюм со светлой рубашкой и бордовым галстуком. Неглубокие морщины на лице его только красили, придавая очарование зрелости. Ренди обладал классической красотой, которая не бросается в глаза сразу, но запоминается надолго.

Занятый своими мыслями, я не заметил, что в зале собралось довольно много народа. Тренинг начался на 15 минут позже указанного времени. В зал вошел мужчина среднего роста в коричневом пиджаке, светлой рубашке и джинсах. На вид ему было чуть больше 30 лет, темно-каштановые волосы аккуратно пострижены, а на щеках виднелась трехдневная щетина. Он поставил на стол в центре кожаную сумку, затем бодро представился:

– Меня зовут Винсент. Рад нашему знакомству.

Его панибратская интонация, немного неряшливый вид, приятный голос и легкая улыбка располагали к себе.

Перед посещением мероприятия я выкроил несколько минут на прочтение программы. Винсент считался одним из лучших маркетологов в России, являлся автором многих книг и участником большинства успешных PR-компаний. В деловом мире его знали абсолютно все – от крупных бизнесменов до студентов соответствующих факультетов. Находясь в статусе гуру, Винсент теоретически мог позволить себе вообще не работать, а жить только тренингами и авторскими отчислениями.

– Знаешь, какой факультет он закончил? – вполголоса спросил меня Ренди.

– Без понятия, – отозвался я.

– Сельскохозяйственный.

– Да ладно!

Тем временем началась обязательная для всех тренингов, лекций, собраний и конференций процедура под названием «Настройка проектора». Никогда не понимал, почему нельзя проверить все заранее. Видимо, не барское это дело. После попытки Винсента показать первый слайд выяснилось, что пульт от проектора не работает. Сначала наш гуру маркетинга пытался что-то подкрутить сам, отпустив при этом пару колких шуточек в адрес местных технарей, чтобы аудитория не скучала. Скоро из зала послышались советы. Потом один парень в костюме гордо встал и заявил, что разбирается в технике. В каждой компании есть такой, кто, удачно вкрутив лампочку, считает себя Эдисоном.

Наш новоиспеченный Кулибин сразу потребовал поставить стул на стол, чтобы можно было дотянуться до висящего под потолком проектора, и подать газету, так как он не хочет пачкать стул грязными ботинками. Когда последней по близости не оказалось, стали искать другую ненужную бумагу. Наконец дама в зеленом платье пожертвовала свой журнал. Естественно, все сопровождалось смехом и остротами. «Начали на час позже, уйдем тоже на час позже», – подумал я.

А в это время наш Кулибин местного разлива уже вовсю ругался на количество пыли, а потом долго рассматривал проектор с философским выражением лица, слегка касаясь пальцами объектива.

– Похоже, линза полетела, менять надо, – изрек самопровозглашенный гений.

Затем последовала тирада псевдонаучных терминов, смысл которых я не понял и вряд ли понял бы настоящий Кулибин. Парню в костюме нужно было заботиться уже не о проекторе, а о спасении своего авторитета. Пока он сыпал словами, не заботясь об их правильном сочетании, Винсент успел позвонить организаторам. Через 10 минут к нам пришел бородачатый мужчина, представившийся сетевым инженером. Все сразу принялись объяснять ему

проблему, а Кулибин позволил себе высказаться по поводу «отличного» технического обеспечения. В ответ пришедший специалист лишь слегка поправил один из вылетевших проводов и – о чудо! – проектор заработал. Вина с пульта управления была торжественно снята, а Винсент не упустил случая напомнить, что все гениальное просто.

Семинар начался с классической кривой спроса и предложения, поданной под новым соусом. Отличие от школьных учебников экономики состояло только в том, что Винсент сопровождал свой рассказ яркими примерами и аналогиями из жизни. Спустя полчаса он решил, что теории достаточно, и начал говорить о необычных рекламных акциях. Винсент показал слайд с фотографией, на которой парковочное место было нарисовано на уличной лестнице. Данная идея была реализована в какой-то скандинавской стране производителем автомобилей. Мысль рекламы была в том, что только джипы могут там парковаться.

Но это оказалось только затравкой. Винсент переключил слайд, и все увидели стеклянную остановку, построенную то ли в Дании, то ли в Канаде. Внутри лежали деньги, а рядом стояли люди с молотками. Идея рекламой акции заключалась в том, что «наше бронированное стекло настолько прочное, что его не разбить. Если вам это удастся, можете забрать деньги».

– А теперь подумайте, могло ли такое пройти в России? – спросил Винсент.

Аудитория моментально оживилась. По поводу парковочного места зрители сказали, что такую рекламу у нас все приняли бы за новое правило дорожного движения и лестницу моментально заставили бы обрадовавшиеся владельцы джипов. Стеклянная остановка с деньгами вызвала жаркую дискуссию. Один предложил спилить ее болгаркой, а потом спокойно разобрать в гараже; другой – снести бульдозером. Потом в ход пошли более научные методы, в частности разрушение стекла жидким азотом. Тема халявных денег оказалась настолько волнующей и животрепещущей, что семинар быстро принял инженерно-конструкторскую направленность и фактически проходил без участия ведущего. Получивший передышку Винсент спокойно проверял сообщения в мобильном телефоне, пока народ вспоминал весь школьный курс физики и химии. Заметив, что подошло время кофе-брейка, Винсент деликатно вмешался в научный спор, сказав, что в России такая реклама не прошла бы и что при планировании акций следует учитывать менталитет. «*А то мы не знали*», – мысленно прокомментировал я.

Большинство сошлось во мнении, что лучше всего разобрать остановку ночью шуруповертом, снять стекло и поделить деньги. Несогласные продолжили обсуждение возле кофейного автомата.

– Ты замечал, что два первых вопроса на любом тренинге, – начал Ренди, когда мы с ним также налили себе по стаканчику кофе, – когда закончится мероприятие и когда обед.

– Зато весело. – Я отпил горячего капучино.

– Билет сюда, между прочим, стоит 12 000 рублей, для прессы – чуть меньше, – сообщил Ренди.

– Не знаю, меня редакция отправила.

– Зато я знаю. Учитывая количество людей, посчитай, сколько получил Винсент за один день.

– Вообще неплохо! – сообразил я.

– Идем, покажу кое-что. – Ренди потянул меня за рукав.

Мы вышли в коридор и остановились за колонной. Недалеко от нас стоял все тот же Винсент, увлеченно говоривший по телефону. Через минуту к нему подошла невысокая девушка с короткой стрижкой в светло-коричневом брючном костюме.

– Вась, надо поговорить, – робко начала гостя.

– Опять вы! – Наш гуру отвлекся от своего мобильного. – Сколько раз говорить, не знаю я вашего Васю и вас первый раз вижу!

– Но мама с папой волнуются.

– Вы меня с кем-то путаете! – раздраженно ответил Винсент и поспешил уйти.

Поняв, что дальше охрана ее не пустит, девушка, едва сдерживая слезы, направилась к выходу.

– Кто она? – спросил я.

– Его сестра, – пояснил Ренди.

– Тогда почему он сказал, что не знает ее?

– Последствия однажды загаданного желания. Расскажу в обеденный перерыв.

Мы вернулись в аудиторию, где тренинг скоро продолжился.

– Осторожнее, если вы принесли с собой кофе, – предупредил Винсент, – будет смешно!

Он стал демонстрировать примеры неудачной рекламы.

– Следите за сочетанием слов. – Винсент показал слайд, где был изображен рекламный плакат магазина с девизом «Натуральная кожа. Детская, школьная, женская, мужская».

Следующим примером в презентации Винсента шел ценник с яркой надписью: «Распродажа. Скидки. 1399 рублей. 2435 рублей»; потом слайд, где на захолустной оплеванной остановке сиял лозунг «Отсюда в любую точку мира». Аудитория, включая меня, громко смеялась. Гвоздем программы стало изображение туалета, на дверце которого красовался рекламный плакат с девизом «Окунись в мир прекрасного».

В такой непринужденной обстановке мы не заметили как пролетело время. На обед я и Ренди зашли в уютное кафе неподалеку. Мне не терпелось послушать историю про гуру маркетинга, но мой спутник специально тянул время. Он внимательно изучил меню, спросил, что я буду, потом позвал официанта. Как только заказ приняли, Ренди вернулся к нашей теме:

– Нравится мероприятие?

– Да! Забавное! – ответил я.

– Даже с учетом того, что Винсент все свои примеры благополучно скачал с Интернета? Где разница между тем, чтобы сидеть «Вконтакте» бесплатно или слушать его за 12 000 рублей?

– Не знаю... – Я замаялся.

– Разница в умении преподнести информацию. На мой взгляд, самое точное определение маркетинга звучит так: маркетинг – это искусство заставить человека отдать тебе деньги так, чтобы он был рад, что тебе их отдал.

– В целом правильно, – согласился я.

– А вот еще тема для размышления. Настоящее имя Винсента Василий Федоров.

– Вот почему девушка назвала его Васей! – догадался я.

– Можно скорректировать свое поведение, но изменить желания нельзя. Если тебе нравится какое-то дело, ты можешь заниматься им часами без всяких дополнительных стимулов; если не нравится – нужен естественный анаболик, который по-другому называется «сила воли». Вася любил оставаться в одиночестве, читать, размышлять, смотреть документальное кино, работать в огороде на даче у бабушки с дедушкой. И все же он понимал, что такой образ мало ассоциируется с образом успешного человека. Под влиянием моды Вася пошел учиться в институт на одну из многочисленных коммерческих специальностей. Используя силу воли, он добросовестно отучился положенные годы. После ВУЗа Вася осознал, что одного старания в реальной жизни мало, нужен результат. Качество, которое принято называть коммуникабельностью, у него отсутствовало; на вечеринках Васе хотелось спать, а необходимость что-то продавать вызывала суеверный ужас.

– На вид не скажешь, – усомнился я.

– Слушай дальше... – Ренди продолжил рассказ: – От чужих людей Вася сильно уставал, но с собственной семьей у него были прекрасные отношения. Я имею в виду родителей, сестру и невесту.

– Он собирался жениться? – переспросил я.

– Да. Вот тут Вася задумался над тем, как будет обеспечивать семью. Мы познакомились в книжном магазине, когда он просматривал книгу «Как стать успешным». Я спросил, чего он хочет. Вася ответил, что хочет изменить себя. Тогда я предложил более короткий и эффективный путь, чем чтение бестселлеров.

Я скептически посмотрел на собеседника, но Ренди этого не заметил и, как ни в чем не бывало, продолжил:

– Присмотрись, у него на левой руке крупное металлическое кольцо. По условиям сделки, каждый раз, когда Вася его надевает, он становится таким, каким захочет. Начав поиски новой работы, Вася надел мой подарок на первое же собеседование.

– Что это была за должность?

– Менеджер по продажам. Неумирающая профессия, которая в первую очередь требует особого склада характера, а не знаний. Кольцо полностью преобразило Васю. Теперь ему было легко действовать по принципу «Выгоняют в дверь – лезь в окно». Он не испытывал стыда, смущения. Васе ничего не стоило предлагать услуги своей компании совершенно незнакомым людям. Слышал такой анекдот: «Работаю в компании, занимающейся остеклением балконов. Вчера ко мне пришли свидетели Иеговы. Уже через час мы подписывали контракт на остекление их церкви. Да, не в ту квартиру ребята позвонили». Надевая кольцо, Вася становился таким же находчивым, как тот продавец, но он забыл одну важную вещь. Достоинства и недостатки – две стороны одной медали. Ты никогда не встретишь мягкого, спокойного человека, который хочет ловить бандитов. Активные, пробивные люди не бывают философами, и, наоборот, внимательные педанты не произносят громких речей. У ярких, искрометных личностей проблемы с выдержкой, а рассудительные люди не умеют зажигать толпу с трибун. Одно и то же качество мы можем считать достоинством или недостатком в зависимости от условий или ситуации.

– Допустим. Но что же случилось с Васей? – прервал я.

– Он стал носить кольцо слишком долго и слишком часто. Постепенно он превратился в другого человека. Заметил, он представляется без фамилии, просто, Винсент? Свою семью он тоже со временем забыл.

– И невесту?

– Конечно. Скромная, романтичная девушка была смыслом жизни для Васи, а вот Винсенту, любителю светских вечеринок, казалась скучной: – Ренди сделал паузу, а потом снова продолжил: – Есть два пути решения проблемных ситуаций: можно менять условия, а можно менять самого себя. Вася выбрал второе. Но человек не может, как выключатель, быть днем одним, а вечером другим. Если кардинальные изменения происходят в одной сфере, будут затронуты и все другие.

– Кто же тогда вы? – с сарказмом в голосе поинтересовался я. – Злой волшебник?

– Как тебе угодно, – мягко произнес Ренди. – Может, я все это придумал? Так, от нечего делать. – Он встал из-за стола.

– Уже уходите?

– Обращайся ко мне на «ты». Я вернусь тогда, когда буду тебе нужен.

– Как скажешь. – Я старался скрыть свое любопытство.

Вторая часть тренинга прошла не так весело, как первая. Винсент дал задание участникам составить импровизированный бизнес-план. Присмотревшись, я заметил на его указательном пальце крупное массивное серебряное кольцо, испещренное похожими на руны знаками.

- Что они означают? – решил спросить я после окончания тренинга.
- Не знаю, – с улыбкой ответил Винсент, – оно у меня всегда было.
- Позвольте еще вопрос. У вас есть братья или сестры?
- Нет. Извините, мне пора идти.

Мне очень хотелось заглянуть в его паспорт, но я понимал, что не имею права требовать его документы. В моей голове спорили логика и воображение. Первая говорила, что невозможно изменить человека кольцом, как невозможно вдруг взять и забыть свою семью. Что касается имен, то, заработав титул гуру, можно называть себя как угодно, хоть Винсентом, хоть Джеймсом Бондом, а та девушка может быть приставучей бывшей подружкой. «*И все же*, – рассуждал я, – откуда Ренди мог знать, что она придет? Почему подошел ко мне?» Я задумался о двойственности мироздания, вспомнив, как меня хвалили за самостоятельность и ругали за упрямство, хотя одно является естественным продолжением другого. Видимо, то была моя собственная медаль с двумя сторонами.

Точно так же я думал над тем, являюсь я осторожным или трусливым. Два года назад мой институтский товарищ предложил взять кредит и открыть ресторан. В ответ я обратил его внимание на то, что мы оба ничего не понимаем в кулинарии, и отказался. Несмотря на предупреждение, он взял кредит один, прогорел и теперь живет в финансовой кабале у банка. С другой стороны, увидев компанию дерущихся на улице, я предпочту тихо уйти, а не разнимать их. Ближе к полуночи, перебрав море своих качеств и случаев из жизни, я, прежде чем заснуть, сделал вывод, что окружающие люди периодически меняют свое мнение обо мне в зависимости от ситуации. Правда, в отличие от Васи я предпочитаю не корректировать свой характер: либо по мере сил стараюсь преобразовывать среду под себя, либо мирюсь с критикой.

На следующий день моей логике предстояло выдержать новое испытание. Мой коллега решил отмечать свой день рождения в ночном клубе. Все бы ничего, но это был четверг, а в пятницу нужно было вставать на работу. На мой вопрос, почему бы не перенести празднование на пятницу или субботу, наш фотограф Боря ответил, что в пятницу едет на дачу к друзьям. Тут в моей голове случился взрыв мозга. Никогда не мог понять, что за дикое, изощренное удовольствие можно получать, стоя в пятничных пробках в сторону области. После работы уставший, не выспавшийся человек едет на дачу еще часа три-четыре. Для чего? Мой отец жил за городом, но ездил я к нему по субботам, да и то днем, после хорошего сна.

Конечно, я мог отказаться от приглашения, но Боря счел бы это неуважением, а я по работе был вынужден часто с ним контактировать. В нашей газете поссориться с Борей значило нажить проблем. Он был одним из тех людей, про которых принято говорить «шило в одном месте». Просто принести торт и попить с коллегами чай в перерыве Борю не устраивало. Нужно было превратить все в незабываемое приключение. Во время революции он поехал в Египет, а в Турцию ринулся сразу, как только там вспыхнула эпидемия птичьего гриппа. На вид это был высокий, крепкий мужчина с очень короткой стрижкой и большим, слегка красноватым лицом. Без фотоаппарата его можно было принять за помесь гопника и байкера. Наверное, в Египте повстанцы посчитали его своим и поэтому не тронули.

Гулял наш Боря с размахом, а на следующий день часто приходил с больной головой и расспрашивал, что было. Не раз ему случалось ночевать в отделении полиции, но ума все равно не прибавилось. Как ни странно, в обработке фото и видео он действительно разбирался. К тому же Борю можно было послать куда угодно, хоть в открытый космос, так как он привык сначала делать, потом думать, да и большой зарплаты Боря тоже не требовал. Естественно директор держал его в штате и прощал систематические опоздания.

Я согласен с тем, что человек может жить так, как он хочет, но, спрашивается, зачем привлекать других? Вот этого я понять не мог. Моя воля, я подарил бы Боре конверт с деньгами и на этом бы успокоился, но нет, две недели по нашим ящикам ходила рассылка на

тему подарка для Бориса на 35 лет. Были перебраны самые разные варианты от овощерезки до кружки с голой женщиной. В итоге остановились на пьяных шахматах, где вместо фигур рюмки. Все это время я старался держаться в стороне и обходил угол, где сидели самые активные дамы, за километр, в противном случае меня бы немедленно привлекли к обсуждению.

В тот день утром я представил на суд нашему директору и главному редактору свою статью по тренингу с названием «Двенадцать тысяч за картинки из Интернета». Шеф, к моему удивлению, даже править не стал, сказав, что цинизм здесь отлично смотрится. Мое настроение слегка улучшилось. До обеда просидел на юмористических сайтах и просплетничал с нашей практиканткой Полиной. Часам к четырем я уже совсем взбодрился, но мне снова напомнили о причинах утреннего беспокойства.

– Эй, Джерри, идешь сегодня вечером в клуб? – пробасил подошедший Боря.

– Куда же я денусь, – ответил я с легким сарказмом.

– Отлично! Нельзя же все время сидеть дома! Тебе нужны перемены в жизни. Девушку себе, что ли, заведи.

– У меня есть две разные семьи со стороны мамы и папы. Для полного счастья не хватает только третьей в лице девушки и ее родственников, – отшутился я.

– Злюка! – Боря улыбался. – Ладно, увидимся.

Совершенно бесцеремонный фотограф мог запросто поинтересоваться, курю ли я траву и когда у меня был последний секс, а у женщины спросить, сколько ей лет. Когда в ответ Борю посылали куда подальше, он сердился, но недолго. Надо отдать должное, отходил Боря быстро.

До вечера я старался перебрать в голове все возможные варианты развития событий и заранее к ним подготовиться. После работы я сначала поехал к себе домой, чтобы привести себя в порядок и немного перекусить, потом накачался кофе и отправился в выбранное Борисом заведение. Клуб назывался то ли «Последние деньги», то ли «Шальные деньги» – одним словом что-то, связанное с финансами. К моей большой радости, место оказалось относительно приличным и находилось в шаговой доступности от станции метро.

Боря встретил меня на входе с распростертыми объятиями. По тому как он тряс мою руку, можно было подумать, что мы лучшие друзья. Внутри большую часть клуба занимали танцплощадка и сцена, а по бокам стояли столики. За одним уже собралось человек пятнадцать. Боря представил меня своей компании, из которой я знал только пару коллег по работе. Минут через двадцать общительный фотограф совершенно обо мне забыл. Причина, по которой я ему вообще понадобился, так и осталось для меня загадкой. Ситуация была банальной: тебя приводят в новую компанию и почти сразу бросают на произвол судьбы. У давних знакомых есть свои шутки, воспоминания, то и дело раздаются фразы в стиле «как тогда на границе...». Все смеются, а ты сидишь, чувствуя себя первоклассником на уроке тригонометрии.

Боря вышел танцевать, потом позвал каких-то девчонок. Я отошел к стойке бара, намереваясь выпить что-нибудь горячее, а потом уйти. Облокотившись на край стойки, я смотрел на дергающиеся, как от удара током, тела перед сценой.

– Нравится ночная жизнь? – раздался голос справа.

Повернувшись, я увидел Ренди. Он стоял рядом, в темных брюках и выправленной рубашке с тремя расстегнутыми пуговицами сверху. У него на шее я заметил украшение. На тонкой цепочке висели собранные вместе три буквы «R». Тогда я подумал, что, наверное, они означают «Randy».

– Как ты меня нашел? Ты что, следишь за мной? – Я старался говорить немного раздраженно, хотя в душе был очень рад его видеть.

– Я всегда знаю, где ты. – Ренди сказал это настолько будничным тоном, будто я спросил очевидное, например сколько будет дважды два.

– Да, да. – Я изобразил пренебрежение. – Ты действительно выполняешь желания? Может, подаришь мне яхту?

– Я исполняю желания, только если мне интересно.

– Значит, я останусь без яхты, – все с той же интонацией съехидничал я.

– Хочешь почувствовать ночь во всем ее блеске? – Ренди не реагировал на мои подколы.

– Валяй. – Я сделал равнодушное лицо.

Кивнув головой, мой собеседник ушел. Минуту назад я собирался поехать домой, но теперь передумал. Ренди интересовался именно моей персоной, моими чувствами и мыслями, не задавая стандартных вопросов вроде «Где работаешь?», «За какую команду болеешь?», «Какую музыку слушаешь?». Но самое главное, он сумел найти меня без всяких контактов. Я почувствовал себя значимым, и настроение резко улучшилось.

В этот момент огни резко погасли, на несколько секунд стало совершенно темно, потом над сценой зажегся прожектор. В луче света стоял Ренди. Заиграли незнакомую мне мелодию, и Ренди начал петь. Его тихий голос завораживал публику; я чувствовал себя так, словно стою в горах перед незнакомой пещерой, куда так и тянет зайти. Песня была на английском, а слова переводились примерно так: «Если хочешь, иди за мной. Но смотри, как бы потом не пожалеть. У желаний есть неприятная особенность – они сбываются». В первом куплете Ренди заигрывал со всем залом, его интонация и слова обволакивали со всех сторон, не оставляя шанса на освобождение.

Все в зале моментально забыли о своих делах, разговорах и выпивке, сосредоточившись на сцене. Неожиданно зажглись лазеры, создавая за спиной Ренди меняющиеся картины. Теперь он пел громче, а с каждым новым изображением, строчкой и звуком сменялись чувства, которые испытывали зрители. В музыке я слышал шум морского прибоя, гул дремучего леса, летний дождь и резкий раскат грома. Начался припев: «The night will come! The night will rule!» («Ночь придет! Ночь будет править!») Ренди взмахнул рукой, и лазеры переключились, создавая вокруг зрителей причудливые узоры.

Я перенесся в параллельный мир бесконечного восторга. Все переплелось в едином вихре, где я видел только его, Ренди, таинственного, уверенного, волнующего. На сцене он почти не двигался, но невообразимые переливы его низкого голоса в сочетании со светом и лазерами вызывали восхищение. Второй куплет песни был насыщеннее первого: «Управлять огнем, рассыпать в прах горы, танцевать на лезвии ножа – для меня нет ничего невозможного. Следуй за мной, если хочешь, но смотри, как бы потом не пожалеть». Очарованный выступлением Ренди, я чувствовал себя суперменом. Необычный подъем сил ударил мне в голову не хуже алкоголя. Дикое любопытство, задор, энергия заставляли мою кровь бежать быстрее. Когда зажглись бенгальские огни, к букету эмоций добавилась жажда новизны, создавая горючую смесь, захотелось двигаться, бежать вперед, сжигая за собой все мосты. Это была кульминация ночного шоу, в то мгновение не существовало завтра с его неизбежными проблемами, только одно бесконечное, сладостное сегодня.

Когда песня закончилась и огни погасли, зрители еще минуты три не могли прийти в себя, а потом зал разразился громкими аплодисментами и криками. Никогда не понимал фанатов, но в ту минуту я сам был готов выпрыгнуть на сцену и принести себя в жертву. Едва отдышавшись, я, все еще находившийся на волне куража, снова увидел Ренди прямо перед собой.

– Великолепно... – только и смог произнести мой язык.

Ренди наклонился и прошептал мне на ухо:

– У всего есть обратная сторона. Хочешь ее почувствовать? – В зеленых глазах Ренди и его хитрой ухмылке явно читался подвох.

– Да, – не подумав, сказал я, опьяненный всем происходящим.

– Заметь, ты сам так решил. – И на этот раз его шепот прозвучал зловеще.

В следующую секунду я сильно пожалел о сказанных словах. С высоты своего восторга я упал в яму боли, мой желудок свело судорогой, я согнулся и, не понимая, что происходит, потом инстинктивно кинулся к туалету. Перед глазами все плыло, ноги не слушались. Добравшись едва ли не ползком до кабинки, я бросился обнимать унитаз. Меня рвало так сильно, будто тело хотело избавиться сразу от всех внутренностей.

Боль снова ударила в голову, потом стала отдаваться в руке настолько сильно, будто из меня вырывали сосуды без анестезии. Я стукнулся затылком о держатель для бумаги, желудок снова скрутило. Я валялся на грязном полу туалета совершенно беспомощный, глаза слезились, горло горело огнем, так что я не мог вымолвить ни слова, а тем более позвать на помощь. Грязный, заплаканный, помятый, не помню, как я выбрался на свежий воздух в какой-то двор, или, возможно, меня выкинули охранники клуба, приняв за наркомана.

Оступившись, я свалился в кучу мусора, а когда попытка встать не удалась, перекатился на живот и уткнулся лицом в зловонную жижу. Тело снова свели судороги, потом начался кашель. Меня бросало то в жар, то в холод, я ничего не видел, не слышал, меня без конца рвало, а в висках пульсировала боль. Пот катился градом, из носа полились сопли, смешиваясь со слюной. Мышцы тянуло и перегибало так, что я не мог вытереть лицо. От всего этого я обгадился и описался прямо себе в штаны. Вонючий, перепачканный в нечистотах, гулко стонущий от боли, я представлял собой жалкое зрелище.

Постепенно судороги начали проходить, боль сменилась ощущением дикой усталости. Приоткрыв слипшиеся глаза, я как в тумане увидел двух бомжей. Заметив меня, они закрыли свои носы ладонями и поспешили удалиться, настолько противным был мой вид. Ко мне стала возвращаться способность мыслить, перед глазами прояснилось. Я понял, что лежу на заднем дворе клуба рядом с помойкой. Из служебного входа вышел Ренди. Подойдя ко мне, он без всякой брезгливости на лице взял мою руку и помог подняться.

– За эйфорией всегда следует упадок: даже после самой фантастической ночи наступает утро, – сказал Ренди. – Богемная жизнь часто бывает связана не только с удовольствиями, но и с наркотиками и прочей отравой. Это и есть ее обратная сторона. Последствия ты только что испытал на себе. Стоило оно того или нет, решать тебе.

– Не стоило... – промямлил я, облокотившись на своего спутника.

– Пошли. На сегодня с тебя хватит. – Ренди достал из кармана платок и вытер мне лицо, как ребенку.

Я чувствовал себя беспомощнее новорожденного котенка. Ренди посадил меня в свою машину, номер и марку которой я не успел рассмотреть. Запомнил только, что это был черный внедорожник. У него появилась возможность спокойно вывезти меня из страны и продать на органы, я бы не смог сопротивляться, но Ренди привез меня к подъезду моего дома и помог подняться наверх. Около лифта нам встретился Яша, местный алкаш. Он посмотрел на меня с глубочайшим осуждением и обошел по стеночке. Представьте, как я должен был выглядеть, если даже отпетый пьяница от меня шархался.

– Дальше справишься сам? – спросил Ренди, когда мы остановились у дверей моей квартиры.

– Да, – отрешенно произнес я, неловко поворачивая ключ в замочной скважине.

– Отдыхай. – Ренди отпустил мою руку и направился к лифту.

«Нет, сейчас пойду вагоны разгрузать», – мысленно съязвил я. Действуя на автомате, я разделся, принял душ, почистил зубы, замочил одежду, потом из последних сил забрался в кровать под одеяло и моментально заснул.

Глава 4

Победить себя

Некоторые привычки со временем доводятся до автоматизма. Моя учительница говорила, что, если мобильный телефон зазвонит в тот момент, когда человек убегает от пяти бандитов с бензопилами, он все равно остановится, чтобы ответить на звонок. Бывает, уходя, мы закрываем входную дверь, не задумываясь, а потом весь день мучаемся вопросом, заперта она или нет. Вечером, даже находясь в невменяемом состоянии, я поставил будильник, потому что привык так делать с самой школы. Когда домашний тиран прозвенел в семь утра, я с трудом открыл глаза и выключил его. Голова не болела, но чувствовалась общая слабость, как после долгой болезни.

Начался ежеутренний фильм ужасов со мной в главной роли под названием «Доспать за пять минут». Я лежал и лежал, полностью понимая, что потом придется бежать к метро очертя голову без завтрака. Только когда осталось 10 минут до критического времени выхода из дому, я вскочил, как ошпаренный, быстро почистил зубы, надел первые попавшиеся брюки, рубашку с коротким рукавом, ботинки и, схватив сумку, бросился бегом из квартиры. Почему я не встал вовремя? Сложный вопрос. Причину нельзя описать словами, ее может прочувствовать человек с нелюбимой работой или школьник.

Пока я ждал лифт, мой мозг переключился в режим «Спешка», когда минута идет за час. «*Давай, давай!*», – я мысленно торопил лифт. Когда дорога расписана посекундно, любое промедление грозит опозданием. Спустившись на первый этаж, в дверях подъезда я едва не сбил с ног местного пьяницу.

– Джерри, дай десятку на опохмел. – Яша перегородил мне дорогу, как таможенник на границе. – Кстати, ты где вчера так надрался?

– На! – раздраженно воскликнул я, вытащив из кармана десять рублей. – Отстань! Мне некогда!

В нескольких метрах от остановки ехал троллейбус. Вид подъезжающего общественного транспорта для меня означал то же самое, что выстрел стартового пистолета для бегуна. «*На старт! Внимание! Марш!*» – произнес внутренний голос в моем не выспавшемся мозге, и я сорвался с места, перепрыгнул бордюр, обогнал двух мирно идущих девушек, пенсионерку и отца с коляской. «*К ходу, Куса!*» – мысленно скомандовал я, потом запрыгнул в первую дверь троллейбуса и стал искать билет по карманам, пытаясь восстановить дыхание. Рефлекс бегать за общественным транспортом был у меня настолько сильным, что независимо от того, опаздывал я или нет, видя автобус или маршрутку, я срывался с места и чаще всего успевал.

Стоя в троллейбусе, я посылая лучи добра всем едущим впереди машинам, особенно тем, что своими перестроениями задерживали оба ряда хоть на полсекунды. Потом следовал спринтерский забег до метро и такой же до места работы. Взмыленный и запыхавшийся я все-таки успел к девяти. Схема маршрута была отработана до мелочей. Я регулярно обещал себе встать пораньше, систематически просыпал, но каждый раз успевал к началу рабочего дня. Если мне удавалось выкроить хоть минутку за счет оптимизации маршрута, на следующий день я лежал на минутку дольше.

Утро началось бодро, но уже через два часа я был никакой. Мозг категорически отказывался соображать, извилины устроили забастовку, вернулась слабость. Мне что-то говорили, спрашивали, но каждая мысль или фраза стоили мне нечеловеческих усилий. Подобно заключенным, я смотрел в окно и считал минуты до окончания рабочего дня.

На самом деле у большинства журналистов свободный график, но я так привык учиться и работать по определенным часам, что уже не мог по-другому. К тому же, начни я планировать свой день сам, пришлось бы объяснять директору, что я все это время делаю. А так я заслужил репутацию дисциплинированного сотрудника и мог часами читать статьи или книги в Интернете, не вызывая подозрений.

Ближе к вечеру я оживился, предвкушая два выходных, а в последний рабочий час с 17:00 до 18:00 вообще летал как на крыльях. Попрощавшись с коллегами, я вышел из здания. И тут меня ждал сюрприз: перед входной дверью стоял Ренди. Я всегда поражался тому, когда в кино люди постоянно «случайно» встречаются, без всяких договоренностей приходят в гости и всегда застают хозяев дома, а теперь меня самого кто-то ждал, и не потому, что так было запланировано, а потому, что ему захотелось со мной увидеться.

– Привет! – сказал я, не скрывая радости.

– Здравствуй, Джерри. – Голос Ренди звучал спокойно. – Поехали в ресторан?

– Давай, – не раздумывая, согласился я.

Я всегда любил рестораны потому, что сам готовить не умел. Мне нравилось просматривать меню, выбирать блюда, нравилась оживленная атмосфера, живая музыка и возможность пообщаться с глазу на глаз. На трезвую голову мне удалось рассмотреть его машину – это был черный «порше кайен» последней модели со светлым кожаным салоном, одно из лучших изобретений автопрома.

– У тебя отличная машина, – начал я.

– Да, – ответил Ренди, не отрывая глаз от дороги. – Новые автомобили – одно из лучших искушений этого мира. Перед ними нельзя устоять.

– Куда мы едем?

– В «Венецию».

Я понял, что Ренди имеет в виду ресторан итальянской кухни на Тверской, так как мне случалось бывать там раньше.

– Отлично! – обрадовался я. – Там готовят лучшую лазанью из всех, что мне случалось пробовать.

– Знаю. – Ренди приветливо улыбался. – Вчера я немного перестарался.

– О да! Меня даже алкаш Яша, давно пропивший последние мозги, осудил.

– Если человек не в меру увлекается блеском ночи, последствия именно такие.

– Так кто же ты? Джинн? Демон? – Мне нравилось играть в загадку; я чувствовал себя героем мистического триллера.

Уловив мое настроение, Ренди ответил в том же стиле:

– У меня много обязанностей. Я учитель, палач, наблюдатель, коллекционер, сопровождающий.

– И чем же такого человека заинтересовала моя скромная персона?

– А почему бы и нет, – усмехнулся Ренди.

– Я же не звезда, не принц. Так, обычный великовозрастный бездельник.

– В любом обществе и в любое время существует эффект 10 %. Есть 10 % самых бедных и 10 % самых богатых, 10 % самых известных и 10 % самых ничтожных, 10 % счастливых и 10 % несчастных, талантливых и бездарных. Большинство произведений – картин, музыки, песен, фильмов, книг – посвящено именно 10 %. В них у героя или героини либо изначально очень удачные входные данные: природная гениальность, огромное наследство, банальная «избранность», либо наоборот, жизненная ситуация хуже некуда, впору повеситься. Не люблю трагедий из оперы «родители били, в армии потерял ногу, жить негде, семеро по лавкам». Тут можно только посочувствовать. Скучно, благотворительность не мой профиль. Точно так же меня не интересуют современные «принцы и принцессы», которым с самого рождения дано все, что только можно пожелать, хотя иногда случается наказывать

тех, кто не ценит своей удачи. Меня интересуют оставшиеся 80 %. Их принято называть обществом, хотя на самом деле каждый человек уникален. Мне интересны мечты, желания, образ жизни тех людей, которые знают, что такое отвечать за себя самому, но в то же время не погрязли в необходимости выживать каждый день.

Увлечшись разговором, я не заметил, как мы подъехали к ресторану. Нас встретила хостес и проводила за столик. Едва почуяв запах вкусенького, мой желудок стал требовать внимания. Я уже знал, чего хочу, но все равно пролистал меню. Когда подошел официант, Ренди заказал «то же самое». Такое доверие моему вкусу очень польстило самолюбию.

– Как статья? – спросил Ренди, когда официант ушел. – Приняли?

– Ты же говорил, что знаешь обо мне все. Значит, и это должен знать.

– Смотрю, ты уже отошел от вчерашнего, раз есть силы язвить.

– Вполне! Хотя, признаюсь, сегодня утром еле встал.

– Ты по жизни с трудом просыпаешься. Знаешь выражение: «Самый страшный враг для человека он сам»? Лишь немногим удавалось победить себя.

– Приведи пример, – заинтересовался я.

– Бадиа аль-Джамаль.

– Давным-давно в городе Басра, – Ренди начал рассказ, – жил купец по имени Маршуд, что в переводе с арабского значит «благоразумный». Имя полностью соответствовало стилю жизни. У него было много золота, красивый дом, верная жена, не хватало только ребенка. Маршуд очень переживал, что после его смерти все перейдет в руки чужих людей. Каждый день он усердно молился Аллаху, прося послать ему ребенка, чтобы тот продолжил отцовское дело и стал усадой в старости. И случилось чудо – после 10 лет брака жена Маршуда забеременела, а через девять месяцев на свет появилась девочка. Отец назвал ее аль-Джамаль, что значит «прекрасная».

Это имя ей не слишком подходило. Девочка росла симпатичной, но особой красоты в ней не было. Вопреки традициям купец растил ее как свою наследницу, обучая искусству торговли, математике, корабельному делу и всему тому, что, по его мнению, надлежало знать хорошему коммерсанту. Чтобы гильдия купцов позволила девочке в будущем наследовать отцовское дело и приняла ее за равную, когда дочке исполнилось двенадцать лет, Маршуд решил устроить ей испытание по обычаям того времени.

Как полагалось, он созвал знатных людей Басры. Когда все приглашенные были на месте, Маршуд взял саблю и бросил на нее шелковую вуаль, чтобы продемонстрировать остроту оружия: легкая ткань разлетелась на две ровные полоски так, что не осталось ни одной вылезшей ниточки. Собравшиеся члены гильдии закивали головами в знак своего одобрения. Тогда Маршуд приказал дочери выйти в центр. Затем он резко взмахнул саблей; оружие просвистело в миллиметре от уха девочки, но аль-Джамаль не шевельнулась. Купец сделал еще один выпад. На этот раз наконечник сабли остановился рядом с глазом испытуемой, но она даже не моргнула. Маршуд встал за спиной дочери, чтобы та не могла его видеть. Аль-Джамаль чувствовала, что лезвие почти касается ее шеи, но не сделала даже попытки обернуться, так как малейшее движение грозило серьезной раной. Девочка чувствовала, как сильно бьется ее сердце, но все же прошла проверку до конца. Все члены гильдии стали поздравлять Маршуда и согласились, что такая храбрая дочь достойна того, чтобы продолжить его дело. Тогда же ей дали второе имя Бадиа, что означает «изумительная».

Пораженный глава гильдии после окончания этого своеобразного испытания спросил девочку, как же ей удалось не испугаться острого лезвия. Ответ аль-Джамаль не только впечатлил мужчину, но и заставил пересмотреть отношения с собственным сыном. Девочка сказала:

– У меня нет причины бояться отцовской сабли. Сочувствую тем, к кому Аллах не был столь же благосклонен.

Пройти посвящение ей помогла не храбрость, а доверие. В остальном девочка редко рисковала. Она не умела драться, не обладала физической выносливостью и предпочитала держаться подальше от любого оружия. С возрастом Бадиа превратилась в худую девушку маленького роста с приятными чертами лица и большими карими глазами, взгляд которых мог пронзить человека насквозь.

Отсутствие физической силы с лихвой компенсировалось тонким умом. Если ей случалось перевозить крупную сумму, девушка всегда брала с собой двух телохранителей, которых называли цепными псами Бадии. Один в прошлом был наемным убийцей, другой – искусным вором, которому однажды едва не отрубили руку. Обоих девушка спасла от казни. За это они, как преданные дворовые собаки, готовы были порвать кого угодно по приказу хозяйки. Понятие о морали у обоих было весьма специфическим, поэтому приказы выполнялись без обсуждения. Разбойник или конкурент, посмевавшийся напасть на хрупкую с виду девушку, рисковал очень сильно об этом пожалеть.

По мере того как Бадиа набиралась опыта в торговых делах, Маршуд давал ей все более сложные задания. Сам купец стал больше времени проводить со своей женой и друзьями, у него появилась возможность наслаждаться жизнью, не думая о завтрашнем дне, за что он постоянно благодарил Аллаха, пославшего ему умную и почтительную дочь. Когда Бадии исполнилось тридцать два года, отец подарил ей свою печать, что символизировало полную передачу дел дочери. Больше Маршуд никогда не спрашивал ее о делах и не давал советов. Он сумел не только вымолить у высших сил желанного ребенка, но и принять их дар, не посмотрев на то, что ребенок оказался «нестандартным». В награду за свое отношение мужчина получил годы заслуженного покоя, когда он смог в полной мере заняться собой, размышлять, веселиться и удариться в меценатство.

Бойкому уму Бадии мало было только богатства и уважения. Ее влекло неизведанное, а мечты шли намного дальше торговой гильдии Басры. Больше всего воображение девушки будоражила легенда о перстне Сулеймана ибн-Дауда, которого христиане называют Соломон сын Давида. Согласно преданию, кольцо было подарено великому царю ифритами. Благодаря силам перстня Сулейман понимал язык зверей и птиц, мог слышать мысли и превращать пыль в золото. После его смерти кольцо возвратилось к своим создателям. Говорили, что правитель так и не познал всех возможностей дара ифритов и что теперь перстень находится далеко за морем в замке Нурбахара, повелителя ифритов. Многие отважные герои пытались достать перстень, но все они терпели неудачу, а позже рассказывали, что замок охраняют крылатые чудища с восемнадцатью глазами, сотни великанов, огромные змеи и коварные чародеи, которым под силу наслать страшную болезнь одним своим дыханием.

Во всех этих ужасных историях Бадиа удивлялась одной нестыковке. *«Если путь так опасен, почему же они возвращаются живыми и здоровыми без единой раны?»* – задумывалась девушка, когда при ней заговаривали о перстне. Наладив торговые дела по своему вкусу, Бадиа решила отправиться в давно желанную экспедицию. Снарядили корабль. Бадиа очень придирчиво отбирала команду, ища в людях не только навыки моряков, но и преданность, которую ценила превыше всего.

В назначенный день они благополучно покинули гавань города Басры. Однако стоило выйти за пределы известных морских путей, как удача отвернулась от путешественников. Бадиа и ее команда попали в жуткий шторм. Всю ночь мореплаватели боролись со стихией за свою жизнь. На рассвете море стихло, но корабль получил столько повреждений, что был вынужден пристать к берегу неизвестного острова для ремонта.

Капитан корабля, опытный морской волк, сообщил владелице, что шторм – знак от морского царя и что без его разрешения им не удастся продолжить плавание. Бадиа впала в отчаяние: она понимала, что несет ответственность за жизни членов команды, и поэтому обязана развернуть судно и плыть обратно в Басру, так как морской царь не предупреждает

дважды, но исследователь в ней не желал так легко расставаться с мечтой. Бадиа подолгу бродила одна вдоль берега, ночи напролет сидела за картами и книгами, но, несмотря на все усилия, поняла, что возвращение в Басру является единственным разумным выходом. *«Трудно принять решение, но еще сложнее отказаться от уже принятого»*, – рассудила девушка, когда ей доложили об окончании ремонтных работ. *«Готовьтесь к отплытию. Мы возвращаемся в Басру»*, – произнесла она вслух.

В это время один из молодых воинов в команде Бадии по имени Газим неспешно прогуливался вдоль побережья. Он происходил из знатного, но не слишком богатого рода. От экспедиции Газим ждал сражений, загадок, прекрасных принцесс, а не того, что его заставят рубить дерево для новой мачты. Считая такую работу ниже своего достоинства, он шел вдоль берега с выражением глубочайшей обиды на лице.

– Воин, взгляни на меня, – позвал приятный женский голос.

Газим поднял голову. Прямо на его глазах из воды показалась изящная женская рука с тонкими пальцами, потом голова с убранными в толстую косу волосами цвета янтаря. Вскоре перед ним предстала молодая девушка с пышными бедрами, светлой кожей и манящими алым губами. Водоросли облепили ее тело подобно узкому платью, в косу вплелась морская трава, а на шее, словно жемчужное ожерелье, блестели соленые брызги.

– Я царская дочь, – завлекающим голосом произнесла девушка. – Хочешь провести с царевною ночь?

«Постой», – подумал Газим и ловко схватил легкомысленную красавицу за косу. Девушка изо всех сил пыталась вырваться, но воин держал крепко. Вытащив свою жертву на берег, Газим стал громко звать друзей, желая продемонстрировать свой трофей.

– Как вам моя добыча? – с гордостью в голосе спросил Газим, когда на его крики бежали матросы. – Что стоите с открытыми ртами? Не видели раньше такой красоты?

Но, обернувшись, он вместо девушки увидел морское чудовище с зеленым хвостом. Тело создания выглядело как помесь игуаны и каракатицы. Оно было покрыто зеленой чешуей, с большой головы падала пена, а глаза закрывала серая пленка. Бледно-зелеными когтистыми лапами существо хватало песок, из последних сил пытаясь уползти обратно в море.

– Сама дочка морского царя! – заявил Газим. – Только представьте, как он должен выглядеть. Наверное, красота у них семейное!

Раздался дружный хохот, а спустя несколько секунд стоящие справа мужчины разом притихли. Из толпы вышла Бадиа аль-Джамаль, решившая посмотреть, по какому поводу собрание.

– Как показало наше путешествие, выйдя из привычной среды, ты тоже превращаешься неизвестно во что, – сурово сказала Бадиа, глядя на Газима.

– Хозяйка, я не хотел... – робко ответил молодой воин.

– Не хотел попадаться, – прервала аль-Джамаль, а потом повернулась к своим верным телохранителям: – Схватить его и высечь плетью! Только осторожно, не портите кожу, чтобы не пришлось потом тратить время на лечение.

– Подождите... – Газим пытался оправдаться, но двое крепких мужчин схватили его под руки и повели на экзекуцию. Псов Бадии было бесполезно просить о милости. Царскую дочь Газим запомнил на всю жизнь.

Морская царевна между тем доползла до моря и там снова превратилась в девушку.

– Благодарю, – произнесла она, – если бы не вы, то...

Царевна не успела закончить, так как аль-Джамаль резко размахнулась и со всей силы, на которую была способна, отвесила ей пощечину, так что дочь морского царя упала в воду.

– Это чтобы урок лучше усвоился, – прокомментировала Бадиа. – Ты сама виновата. В следующий раз будешь думать головой, а не другим местом.

– То, что ты спасла мою дочь, свидетельствует о твоей доброте, – слышался мужской голос, – а то, что ты не стала ее утешать, говорит о мудрости.

Посмотрев в сторону, Бадиа увидела старика со светло-зеленой бородой и такими же волосами.

– Ваше величество. – Аль-Джамаль поклонилась.

– Моя младшая дочь всегда отличалась взбалмошным нравом, – продолжил морской царь, – но этот случай она запомнит. Я благодарю тебя и благословляю твой путь. Отныне в моих водах тебе ничего не грозит.

Сказав это, старик вместе с царевной скрылся в море. Довольная Бадиа отдала приказ своей команде немедленно отправляться в путь к стране ифритов. Морской царь сдержал слово: волны мягко несли корабль к земле Нурбахара, которая располагалась далеко на западе, за Великим Туманом. Бадиа готовилась встретить демонов, ведьм, драконов, великанов и могучих эфиров, но вместо них путешественников сопровождали игривые дельфины. В тумане животные своим визгом звали корабль, подобно тому как проводники окликают сбившихся с пути людей, чтобы указать им верную дорогу.

Благодаря заботе морского царя, корабль Бадии благополучно пристал к берегу страны ифритов. К огромному удивлению всей команды, грозные стражи на крылатых конях любезно приветствовали гостей. Узнав о цели визита, они вежливо проводили Бадию в замок своего повелителя Нурбахара, а ее спутникам предоставили возможность в полной мере оценить красоту и гостеприимство мифического государства.

Седовласый правитель ифритов принял девушку в своем тронном зале, пейзажи на стенах которого постоянно менялись. Ночь в пустыне сменяли ледяные просторы севера, а коварные прерии чередовались с глухой тайгой. Сам шестирукий хозяин замка восседал на троне, сделанном из прозрачного горного хрусталя.

– Вижу, что перстень Сулейма-ибн-Дауда все еще не дает покоя людям, – с усмешкой произнес ифрит.

– Достойные люди на Сулеймане не закончились, – осторожно ответила Бадиа.

– Такую ценность нужно заслужить. Я видел много отважных героев, которые не испытывали страха перед болью и смертью, но тем не менее оказались недостойны перстня. Почему ты считаешь, что справишься лучше них?

– Я хочу заслужить перстень не силой, а умом, – заявила Бадиа.

– Да? – удивился Нурбахар. – Как интересно! Таких предложений мне еще не поступало. А что ты умеешь делать?

– Торговать, вести хозяйство. – Бадиа перечислила свои достижения, которые обеспечили ее семье процветание.

– Полезный навык. – Ифрит покачал головой. – Да будет тебе известно, что перстень Сулеймана ибн-Дауда хранится не здесь, а далеко на севере, куда могут попасть только ифриты. Я могу слетать за ним, только на это уйдет много времени. Ты должна остаться здесь и смотреть за моим замком и прилегающими землями. Хозяйство у меня большое, есть где применить твои способности. Следи, чтобы мои жены в гареме не ссорились, вассалы вовремя платили дань, а соседи вели себя смирно. Справишься?

– Да, – согласилась Бадиа.

– Тогда вот тебе ключи. – Нурбахар протянул ей большую связку. – Можешь ходить куда угодно, только не открывай дальнюю дверь в подвале, отмеченную знаком змеи, до тех пор, пока перстень не окажется на твоей руке.

– Я поняла.

– Посмотрим, из чего ты сделана, – пробурчал ифрит себе под нос, прежде чем улететь в окно.

Бадиа собиралась спросить, что же такого страшного находится за запретной дверью, но не успела. Полная решимости девушка немедленно приступила к новым обязанностям. В стране Нурбахара ее ждало много чудес, от деревьев, растущих корнями вверх, до плывущих по воздуху кораблей, – но каждое новое открытие заставляло Бадию все больше интересоваться тем, что скрывалось за дверью со знаком змеи.

Жены у ифрита были жутко избалованные и вредные. Соперничать с ними в этих качествах могли лишь обленившиеся сборщики податей. Бадиа пригрозила последним, что тех, кто опоздает с зачислениями в бюджет, она отправит надсмотрщиками в гарем, где разрешалось служить только женщинам и евнухам. После такой угрозы сроки выплат стали строго соблюдаться. Каждой жене Бадиа нашла занятие и лишь самым смиренным позволяла бездельничать. Скоро в гареме воцарился идеальный порядок. Оказалось, женщины были готовы забыть все свои обиды, лишь бы не работать.

О том, что же спрятано за дальней дверью в подвале, ходили самые разнообразные слухи. Одни говорили, что хозяин прячет там трупы упрямых жен, другие утверждали, что там хранятся чаши из черепов врагов Нурбахара. Также поговаривали, что там находится секретная лаборатория, где повелитель ифритов варит эликсир бессмертия. Один раз Бадии стало так любопытно, что она проследовала к двери с ключом в руке. Уже собравшись ее открыть, девушка спросила себя, ради чего она готова отказаться от перстня Сулеймана ибн-Дауда. Не найдя подходящего ответа, она сделала глубокий вдох и снова поднялась к себе в покои.

В конце первого года пребывания Бадии в роли наместницы Нурбахара началась война. Вассалы объединились и осадили замок. Советники стали уговаривать Бадию открыть дверь со знаком змеи, так как там находится страшное оружие, против которого никакая армия не может устоять. Аль-Джамаль ответила, что сможет воспользоваться этим оружием, не открывая двери. Среди солдат вражеской армии она с помощью шпионов пустила слух, что одним платят больше, другим меньше. Затем она по очереди предложила каждому из командиров разные условия примирения. В результате враги не только ушли, но еще и перебили друг друга по дороге, потому что самое страшное оружие, способное уничтожить любую армию, это разногласия и зависть.

Два с лишним года провела Бадиа в замке ифрита, пока его настоящий хозяин не вернулся. В начале июня девушка наконец услышала приветственные выстрелы орудий. Первым делом Нурбахар отправился в казну, чтобы пересчитать золотые монеты, потом проверил дела в гареме. Когда все оказалось в порядке, он сам отвел Бадию к запретной двери.

– Закрыто! – убедился ифрит, а потом взял ключ со знаком змеи. – Хочешь узнать, что внутри?

– Только после того, как перстень окажется на моей руке, – уверенно ответила Бадиа. – Я помню уговор.

– А если я не открою дверь?

– Значит, содержимое этой комнаты останется предметом моих фантазий.

– Ты заслуживаешь того, что просишь! – С этими словами Нурбахар вытащил из кармана золотой перстень с изумрудом и подал его девушке.

Надев подарок ифрита на палец левой руки, Бадиа собиралась уйти.

– Подожди, – остановил ее хозяин замка.

Он повернул ключ в замочной скважине и дверь открылась. Бадиа увидела маленькую комнату, где валялись старые поломанные швабры, стулья без ножек и прочий хлам.

– Похоже на кладовку, – недоумевала аль-Джамаль.

– Так и есть, – усмехнулся Нурбахар. – А теперь представь разочарование всех рыцарей, которые ради этого лишали себя возможности получить перстень Сулеймана ибн-Дауда. Иные терпели до последнего, а когда я прилетал и предлагал открыть, моментально согла-

шались, забыв, что в уговоре было сказано «до тех пор, пока перстень не окажется на твоей руке».

– А как же ужасные истории по огнедышащих драконов?

– Столкнувшись с жестокой реальностью и собственным скудоумием, еще и не такое сочинишь, – объяснил Нурбахар. – Людям свойственно винить в провалах кого угодно, кроме самих себя.

– Как же вы додумались до такого испытания?

– Сулейман ибн-Дауд перед смертью вернул перстень обратно, так как не нашел достойного наследника. Задумавшись о сохранности реликвии, я перебрал самые разные варианты, а потом решил обратиться к одному демону. Я спросил его, что будет эффективнее для охраны, опасные препятствия или сложная загадка. Он ответил, что опасности преодолеет сильный, загадку решит умный, но только действительно мудрый человек способен победить самого страшного соперника – самого себя. Система работала много лет, а теперь я с радостью передаю перстень тебе.

– Я сумею им воспользоваться! – последовал не терпящий возражений ответ.

Бадиа аль-Джамаль раскрыла еще много волшебных тайн. Она прожила долгую, насыщенную жизнь, пока и к ней не пришла Разрушительница наслаждений, Разлучница собраний. После смерти Бадиа сама превратилась в джину. Взгляни, она – Слава, она – Удача, она – Победа, которая покровительствует только тем, кто способен держать свои минутные порывы под контролем».

– Красивая история. – Я пригубил бокал красного вина.

– Ее смысл не в красоте. – Ренди позвал официанта и попросил счет. – Скажи, ты когда-нибудь воевал с самим собой?

– Каждый день по утрам, – отшутился я, – когда нужно рано вставать. Мою зарплату, конечно, не сравнить с перстнем Сулеймана ибн-Дауда, но все-таки.

– Дело только в деньгах? – Ренди говорил так, как будто уже знал ответ.

– Нет, в свободе, которую они дают, – пояснил я. – Терпеть не могу свою работу, но еще больше ненавижу выслушивать указания, советы и нотации от своих родственников и друзей. А они польются бурным потоком, если мне случится остаться без постоянного дохода.

– Если постоянно заставлять себя, применяя силу воли, это неизбежно приведет к развитию болезней всех мастей. Я уже говорил, что сила воли – это естественный анаболик, и последствия при передозировке такие же.

– Это точно. Помню, я в течение нескольких дней заставлял себя рано вставать и обливаться холодной водой. Последующие две недели гриппа отбили всю тягу к моржеванию. Сейчас, учитывая, что по выходным я регулярно валяю дурака, болезни мне не грозят.

Ренди положил деньги в принесенный счет и отдал официанту.

– Сколько с меня? – спросил я.

– Не думай об этом. Финансовая сторона этого мира мне полностью подвластна.

– Как знаешь. – Я убрал кошелек. – Может, встретимся в субботу? Что ты любишь?

Бильярд? Футбол?

– Ты ошибочно принял меня за приятеля, с которым убивают время, это не так, – предупредил Ренди. – Я прихожу и ухожу, когда мне вздумается, вожу тебя в те места, какие сочту нужными. Все понятно?

– Да.

– В субботу лучше поваляй дурака, а то тебе ведь в воскресенье ехать на юбилей тети Лоры.

– Откуда ты знаешь?! – поразился я.

– Дата рождения – это всего лишь несколько цифр. Узнать ее не сложно. Сила воли нужна не только для работы, верно?

– Вот это в точку! Иногда перенести торжество бывает сложнее, чем встать в шесть утра.

В тот вечер Ренди подвез меня до дома, а потом уехал не попрощавшись. Ритуалы, звонки, стандартные вопросы о том, как идут дела, – все это было не для моего нового знакомого. Я принял его условия, так как тупых шуток, разговоров о погоде и незначущих встреч мне и так хватало. Взять хотя бы юбилей тети Лоры. Нам обоим давно было ясно, что мы не испытываем друг к другу теплых родственных чувств, а порой даже раздражаем, но, тем не менее, она исправно приглашала меня на все праздники. Зачем? Мне и самому хотелось бы это знать.

Глава 5

Семейный ужин и вера в магию

Уже месяц София занималась биографией своего кумира, писателя Джерри Гарсиа. Она приезжала к нему по вечерам или на выходных. Эти встречи стали для девушки настоящей отдушиной между сменами в Колл-центре, во время которых нужно было в очередной раз рассказывать о том, что платежи по кредиту являются обязательными, и в очередной раз выслушивать слезливые повести о «семерых по лавкам» в разных вариациях. С Джерри София чувствовала, что может говорить откровенно, называя вещи своими именами, и при этом не бояться осуждения.

Писатель и его биограф не всегда виделись дома. Поскольку в этот раз выходные выдались теплыми и солнечными, Джерри пригласил Софию в спортивный клуб. Несмотря на свой почтенный возраст, писатель хорошо плавал и с удовольствием сидел в сауне. В перерывах между купанием они лежали у открытого бассейна, греясь на летнем солнце.

– Вам нравится? – спросил Джерри, устраиваясь на лежаке.

– Великолепно! – София достала из пляжной сумки диктофон. – Я оказалась на курорте посреди Москвы.

С внешней стороны бассейн и прилегающую территорию окружали забор, увитый диким виноградом, и высокие деревья. Рядом с бассейном располагалась небольшая площадка с фонтаном, а еще дальше двухэтажное здание клуба. Левее находились два деревянных домика (финская сауна и русская баня), беседка и холодный бассейн.

– Люблю предаваться праздному безделью около воды, – продолжил писатель. – В летних путешествиях мне гораздо больше нравится купаться и заниматься виндсерфингом, чем ездить по достопримечательностям.

– Мне тоже, – согласилась София. – Всегда считала, что цель отпуска – набраться сил, а не укататься до такой степени, чтобы понадобился отдых от отдыха.

– И как вы предпочитаете расслабляться?

– Прежде всего, наедине с собой. Только в эти минуты мне не нужно думать, что сказать и как посмотреть. Короткие выходные дают мне силы переносить ежедневные разборки с клиентами и менеджерами. Вчера одна дамочка полчала орала, что не в состоянии выплачивать ипотеку из-за курса доллара. Как будто при установке этого курса советуются со мной. Устав от бесполезного разговора, я бросила трубку, а она, конечно, написала жалобу. На это у нее время есть, а на ипотеку нет.

– Курс доллара... – задумчиво протянул писатель. – Я помню время, когда планшеты только появились, а сверхзвуковые самолеты были предназначены главным образом для армии. Тогда все тоже переживали из-за курса доллара. Сейчас техника шагнула далеко вперед, а проблемы остались. Зачем вы терпите этот бардак? – спросил Джерри. – Я могу платить больше, чем в вашем банке. Станьте моим личным секретарем.

– Нынешняя работа гарантирует мне относительно стабильное положение. Я не хочу полностью зависеть от вашего настроения. В банке тяжело, но там, по крайней мере, заранее известны правила игры, а вас я совсем не знаю. Вдруг вам однажды покажется, что мне нужно носить белые бантики или увеличить грудь, а я вместо того, чтобы отказаться от такого бреда, вынуждена буду подчиниться.

– Достойный ответ. Вы так похожи на меня! – Писатель смотрел на девушку с уважением. – Итак, на чем мы остановились?

– На вашей семье. – София включила диктофон.

– Скорее семьях... – И Джерри продолжил свой рассказ.

* * *

Родители развелись, когда мне было 16 лет. Тогда же, чтобы не мешать друг другу, они решили разменять нашу четырехкомнатную квартиру на две двухкомнатные. В первой стали жить я и мама, а папа поселился во второй. Параллельно он начал строить дом за городом. К тому моменту, как я закончил институт и начал работать, папа переехал в свой собственный дом и снова женился, а я перебрался в его городскую квартиру. Так у меня и появилась своя жилплощадь.

После развода родители сохранили хорошие отношения и взаимное уважение, но общались мало, так что вместо одной у меня появилось две семьи: одна – со стороны мамы, другая – со стороны папы. В каждой существовали свои традиции и правила поведения. Об отце я расскажу позже, а пока опишу материнскую линию.

У бабушки и дедушки было трое детей: старшая дочь Лора, моя мама Светлана и младший сын Николай. В свою очередь у тети Лоры родился сын Валера, мой старший двоюродный брат, а дядя Коля стал отцом Глеба и Ники, моих младших кузена и кузины. Будучи ребенком, я обожал, когда мы собирались всей семьей. Тогда мы с Глебом и Никой обычно уходили играть, съев пару ломтиков колбасы. По мере моего взросления приглашения из «хочешь поехать?» превратились в «должен присутствовать!». Когда двоюродные брат и сестра выросли, их перестали интересовать машинки, мягкие зверушки, солдатики и прочие игры, я вдруг обнаружил, что мы совершенно разные и нам почти не о чем разговаривать. Закончилось все тем, что я стал ездить на семейные мероприятия, только чтобы не расстраивать маму и бабушку. С тетей Лорой, Валерой и его женой я бы вообще предпочел встречаться только на свадьбах и похоронах. Открытой вражды между нами не было, но, чтобы она не началась, нам лучше было оставаться на расстоянии.

В воскресенье, с полной мрачных мыслей головой, я в назначенное время приехал к маме, а оттуда мы вместе поехали к тете Лоре. Дорога до ее дома сама по себе была отдельным приключением: сначала нужно было ехать на метро, потом на автобусе, а затем еще прыгать по стройкам, проходя через лабиринты деревянных дорожек, которые перекрывали островки наваленной грязи. В процессе можно было в полной мере насладиться видом красно-белой ленты, обозначающей пробитые в асфальте ямы; из них торчали трубы, рядом валялись куски арматуры, бродили непонятные личности. Каждый раз, проходя этой дорогой, я ждал, что вот-вот выскочит Джек Потрошитель. Но была еще одна опасность – стаи бродячих собак, которых я очень боялся. Говорят, что собака бывает кусачей только от жизни собачей. Возможно, так оно и есть. Беда в том, что свои накопившиеся обиды собаки, как и люди, склонны вымещать на окружающих. Зубастые, голодные, вшивые, злые и больные, эти стаи будут страшнее любого грабителя. От них не удастся отделаться, просто отдав мобильный телефон и часы. Стая собак будет защищать свою территорию, даже если это подземный переход или клочок земли возле продуктового магазина, и им не объяснишь, что только так можно пройти к нужному дому.

За свою жизнь я попробовал горные лыжи, прыжки с тарзанки, виндсерфинг, прыжки с парашютом, водные лыжи, скалолазание, но, на мой взгляд, настоящий экстрим представляет собой прогулка по промзоне или стройке Москвы и Московской области. Каждый раз, добираясь до дома тети Лоры, я чувствовал себя героем фильма «Остаться в живых», а еще больше острых ощущений получал, когда приходилось возвращаться обратно вечером в полной темноте.

В тот день, вдоволь насладившись радостями сомнительного района, мы с мамой подошли к многоэтажному дому и набрали номер нужной квартиры на домофоне.

– Вы что, забыли код? – раздался из динамика голос тети Лоры.

– Лора, открой, – ответила моя мама, стараясь держаться спокойно.

– Нужно чаще приезжать, тогда бы и код знали, – высказалась моя тетя, прежде чем мы услышали долгожданное пиканье открывающейся двери.

Мне вспомнился бородатый анекдот: «Если ты задаешь вопрос на английском форуме, то получаешь ответ. Если на еврейском, то получаешь встречный вопрос. А если на русском, то тебе рассказывают, какой ты лох». Метод общения тети Лоры соответствовал практике русских форумов. А еще она вела бухгалтерию телефонных звонков. По ее мнению, каждый член семьи должен был звонить ей определенное количество раз в неделю. Какое именно – знала только тетя Лора, но если по итогам месяца или квартала дебет не сходился с кредитом, она напоминала провинившемуся о его родственном долге. При этом стоило позвонить ей с простым вопросом «как дела?», и ты получал ворох претензий по поводу того, что звонишь редко. Лично у меня такой подход напрочь отбил желание звонить ей без повода. В результате, по бухгалтерии звонков я числился у тети Лоры в безнадежных должниках.

Пока я морально готовился к тому, что получу от старшей сестры мамы выговор за свое халатное отношение к количеству необходимых звонков, мы успели подняться на лифте на пятнадцатый этаж. Именинница сразу открыла нам дверь и с улыбкой на лице спросила:

– Как добрались?

– Нормально. – Я старался говорить непринужденным тоном.

– Джерри, ты так и не едешь на машине? – поинтересовалась тетя Лора.

– Ты же знаешь, если сел за руль, нельзя пить алкоголь, – объяснил я.

На самом деле я легко переживал необходимость оставаться трезвым на празднике. Истинная причина, по которой я, несмотря на все опасности, предпочитал общественный транспорт, а не собственную машину, была в том, что я никак не мог запомнить дорогу. За рулем я все время думал о том, как бы с кем не столкнуться, поэтому у меня не получалось составить в голове карту пути. В результате я часто путался, пропускал повороты. Дополнительная ответственность состояла в том, что со мной ехала мама; она в подобных случаях начинала сильно волноваться. Такой стресс мог вызвать у моей эмоциональной мамы бессонницу или головокружение, а у меня – чувство вины за свой топографический кретинизм. «Если мне случится поцарапать кому-нибудь дверь или оторвать зеркало, я как-нибудь это переживу, но если в этот момент полдня ждать ГИБДД вместе со мной будешь ты, я себе этого не прощу» – таково было мое объяснение, когда мама предложила поехать на машине.

Тетя Лора проводила нас в свою квартиру. Спальня была оклеена яркими обоями с узорами из цветов, интерьер составляли два деревянных шкафа, раскладывающийся стол, кровать, несколько стульев и диван, а на стенах висели натюрморт с корзиной фруктов и несколько привезенных с южных морей тарелок. Две достопримечательности в квартире тети Лоры меня особенно поражали: бледно-розовые кухонные шкафы и дверь в туалет без защелки с вставкой из матового стекла. На мое полушутливое замечание об отсутствии возможности обеспечить себе уединение во время происходящего в туалете интимного процесса тетя Лора ответила так: «А что скрывать-то?» И ведь не поспоришь.

Мама и тетя Лора сразу отправились на кухню, чтобы закончить приготовление праздничного ужина, а я сел на диван рядом с приехавшей час назад бабушкой. Рядом с ней я чувствовал себя легко, и мы быстро разговорились. Моя бабушка, носившая символическое имя Елена, стала вспоминать свои школьные годы, когда за ней бегали все мальчишки. Слушая ее рассказы, я часто вспоминал легендарную Елену Троянскую. В молодости бабушка была очень красивой девушкой, что подтверждали немногочисленные фотографии. Да и сейчас, в свои восемьдесят с лишним лет, бабушка выглядела отлично, особенно в сравнении со многими другими дамами ее возраста.

Закончив описание своего любимого периода жизни, когда она была незамужней девушкой, бабушка перешла на семейную жизнь. В своих рассказах она часто путала собы-

тия, переставляла местами факты и добавляла новые подробности, что вызывало у меня беззлобную улыбку. Сейчас она напоминала мне веселую десятилетнюю девочку, хотя на самом деле за плечами у нее была тяжелая жизнь. Если честно, я искренне удивлялся, как бабушке вообще удалось выжить. Военное детство, послевоенная неустроенность, бесконечные переезды – такой путь прошла бабушка, и при этом она умудрилась сохранить жизнелюбие. Ее муж, мой дедушка, умер пять лет назад. До пенсии он работал горным инженером, поэтому его часто переводили из города в город. Они с бабушкой успели пожить во всех частях необъятной России, от Башкирии до Тюмени. Мой дедушка был очень сильным, волевым, порой властным человеком, непререкаемым авторитетом на любом месте, где приходилось работать, а еще – образцом честности и неподкупности. Вместе с бабушкой они прожили больше 50 лет вместе. В день золотой свадьбы они даже расписались в книге юбиляров во Дворце бракосочетания. Когда записывали поздравительное видео, я сказал, что не видел более удачного брака. Тогда мне казалось, что мягкость бабушки идеально дополняет непреклонность дедушки. А через полгода все мое представление об их браке обрушилось, как подорванная крепость. Сложившиеся в моей голове иллюзии уступили место суровой реальности. За красивой картинкой скрывалась горькая правда жизни. Я случайно узнал, что бабушка сделала больше десятка аборт, а во время одного из них едва не умерла. В тот момент я не верил своим ушам. *«Как можно быть настолько жестоким, чтобы отправлять любимую женщину на аборт, когда есть средства избежать беременности?!»* – мысленно негодовал я. – *И как можно соглашаться на такое по несколько раз, вместо того чтобы дать такому мужу по морде со всей силы?! Это не любовь, а безысходность»*. Открыто свое мнение я, разумеется, никогда не высказывал, чтобы не бередить старые раны. Для себя я решил так: *«Возможно, где-то люди и могут быть счастливы в браке, но это далеко и не про меня»*. Того, что принято называть серьезными отношениями, я всячески избегал. Годы мучений в неудачном браке страшили меня гораздо больше, чем перспектива остаться одному на старости лет.

Даже после его смерти бабушка часто винила дедушку в самых разнообразных мелочах, вспоминала моменты, когда он был груб и кричал на нее и детей. Порой мне казалось, что с его смертью она испытала облегчение, обрела потерянную свободу. Она стала часто гулять, интересовалась политикой, читала книги. *«Развиваться никогда не поздно»*, – думал я, слушая рассказ бабушки о недавно вышедшей передаче на канале «Культура».

В это время с кухни периодически доносились крики: «Клади сюда! Держи сковородку! Аккуратнее! Двумя вилками!» Опыт подсказывал мне, что лучше не вмешиваться, иначе получишь с обеих сторон. Я сам относился к еде достаточно просто и мог годами есть одно и то же простое блюдо, без желания разнообразить свой рацион. В качестве праздничного ужина мою скромную персону вполне устроили бы пельмени из магазина или макароны с сыром.

Постепенно стали собираться остальные приглашенные. Когда приехал мой старший двоюродный брат Валера, праздник для меня превратился в дело. Свою главную задачу я видел в том, чтобы с ним не поссориться, хотя иногда очень хотелось. При любом удобном случае брат отпускал в мой адрес колкие остроты, я отвечал ему тем же.

– Что, Джерри, опять без машины? – приветствовал меня Валера, – Когда научишься нормально ездить?

– Как только ты выплатишь ипотеку, – с сарказмом в голосе ответил я, но при этом любезно протянул ему руку.

– Как дела на личном фронте? – снова поинтересовался мой кузен. – Девушка есть?

– Нет, – равнодушно отозвался я.

– А ты хотя бы ищешь или все ждешь у моря погоды?

– Как раз на днях дал объявление в газету: «Ищу девушку. Обязательное требование – понравиться Валере».

– Я, как старший, плохого не посоветую. – Он стал говорить назидательным тоном. – Тебе следует воспитывать в себе чувство ответственности, а то так и останешься один.

– Лучше расскажи, как твои дети. – Я попытался сменить тему, так как разговор грозил стать взрывоопасным.

– Младший приболел, поэтому жена осталась дома, – пояснил кузен.

Валера был старше меня на восемь лет. Еще в институте он женился по залету на девушке по имени Люба. Их старшей дочери Кире уже исполнилось 12 лет, а два года назад родился ее брат Антошка.

– Валера, ты куда салат поставил?! – резко прервала нас тетя Лора. – Неудобно же!

– Куда сказала, туда и поставил! – возмутился двоюродный брат.

– Не ори! – еще громче воскликнула его мама.

– Сама не ори!!! – Валера старался ее перекричать.

Словесные поединки между тетей Лорой и моим кузеном были в порядке вещей. Они легко ссорились и так же быстро отходили. Иногда мать и сын обзывали друг друга такими словами, после которых я бы навсегда записал человека в список своих врагов.

Последними на праздник приехали дядя Коля со своей женой и детьми. Из раза в раз он обещал приехать пораньше, а потом опаздывал часа на два. Когда ему звонили, выяснялось, что семейство моего дяди только собирается выехать. Меня такое поведение очень раздражало, так как все были вынуждены его ждать. В итоге начинали позже, чем собирались, а заканчивали почти ночью. В тот раз дядя Коля, его жена Людмила, а также Глеб и Ника приехали только к шести вечера.

Мы сели за уставленный яствами стол, разлили напитки, а потом стали строго по старшинству произносить тосты за здоровье именинницы. Спустя полчаса, когда были пересказаны последние новости, снова начался сеанс воспоминаний. Бабушка опять стала рассказывать о своих прекрасных школьных годах. Я откинулся на спинку стула и уже было совсем расслабился. Оказалось, зря. В нашей семье существовала одна неприятная традиция: достижения забывались мгновенно, а любую оплошность вспоминали годами при любом удобном случае. Главными хранителями этого обычая выступали тетя Лора и ее сын.

– Джерри, помнишь, как тебя на даче пчела в задницу укусила и ты так забавно плакал и лепетал: «Попа бо-бо»? – Валера был в своем репертуаре.

– Нет, не помню, – отрезал я.

– Да ладно, тебе пять годиков было. – Кузен ехидно улыбался.

Мне отчаянно хотелось врезать ему монтировкой. У Валеры была раздражающая привычка вести строгий учет случаев, кто когда не вовремя пукнул и у кого когда штаны слетели. Щекотливые ситуации и курьезные моменты заботливо складывались в копилку его памяти, тщательно охранялись и часто использовались.

Благо что бабушка стала расспрашивать Глеба и Нику про учебу. Разговор постепенно перетек в более спокойное русло, но ненадолго. С подачи тети Лоры заговорили сначала про отношения Валеры и Любы, а потом про женщин и мужчин вообще. Интуиция подсказывала мне, что добром это не кончится.

– Давайте выпьем! – торжественно предложил я, чтобы сменить тему.

Как только все подняли бокалы (большой частью с соком и минералкой, так как потом за руль садиться), я начал говорить свой тост:

– Желаю имениннице удачи...

– ...чтобы в казино играть, – прервал Валера.

– Валерий Сергеевич, будьте любезны дождаться очереди, – пафосно произнес я, а потом продолжил более спокойным тоном: – А то на «Титанике» они все здоровые были, а вот удачи им не хватило.

– На каком сайте скачал? – Кузен не переставал демонстрировать свое остроумие.

– Где скачал, там уже нет, – парировал я.

Мы стали чокаться бокалами. Я надеялся, что в этот раз пронесет, но последующие события стали отражением известного анекдота.

Жена. Ой, соль просыпалась. Это к ссоре.

Муж. А может, обойдется.

Жена. Поздно, я уже настроилась.

Как только бокалы снова оказались на столе, дискуссия на женско-мужскую тему продолжилась на новом витке.

– Поставлю вопрос так, – сказал дядя Коля. – Может ли женщина создать шедевр?

– Естественно, – тетя Лора повысила голос, – Анна Ахматова, Марина Цветаева...

– Я начинал читать Жорж Санд, но не нашел там ничего стоящего. – Дядя Коля ринулся в бой.

Уж не знаю, чем и когда его впечатлила данная представительница литературного мира, но он упоминал ее по поводу и без, всякий раз подавая как пример безвкусицы.

– Не начинай! – встрепенулась моя мама.

– Нет, я скажу. – Дядя Коля почти орал. – История женской эмансипации...

Тут он вспомнил целую вереницу исторических личностей, от вождей древних племен до Зигмунда Фрейда с его теорией зависти к пенису. К разговору подключились все, кроме меня, Глеба и Ники. Причем громкий голос в нашей семье тоже считался аргументом. Не имея возможности остановить борьбу полов, я мысленно просил высшие силы, чтобы круг пострадавших ограничился только посторонними людьми, вроде Маргарет Тэтчер. Валера заметил, что бывшая премьер-министр Великобритании убежала со своего поста вся в слезах, на что тетя Лора привела убийственный аргумент:

– Мне еще в первом классе сказали, что ты в группе риска.

– Давай еще детский сад вспомним!!! – рассердился кузен.

Когда Валера пошел в школу, у них провели психологическое тестирование. Детей просили нарисовать то ли самих себя, то ли дом и дерево. По итогам двоюродного брата занесли в некую «группу риска». В чем именно состоит этот риск, ни я, ни тетя Лора, ни сам Валера не знали. Казалось бы, это произошло сто лет назад, но наши семейные посиделки порой напоминали передачу «Никто не забыт, ничто не забыто».

– Есть народная мудрость: баба с возу – лошади легче, – заявил дядя Коля.

– И это неправильно, – возразила моя мама.

– Чья бы корова мычала, – упорствовал ее младший брат. – Ты довела Костю до того, что он от тебя сбежал!

Это был тот удар ниже пояса, которого я боялся. Дядя Коля быстро переключился на митингующую тетю Лору, но я заметил, как резко замолчала моя мама. Дядя имел в виду моего папу, Константина Веревкина. На самом деле он никуда не уходил и уже тем более не сбежал. Родители разошлись по взаимному желанию.

Меня всегда поражал тот факт, что, вступая в брак, люди клянутся любить друг друга всю жизнь. Этим они буквально обещают законсервировать себя в день свадьбы, говоря, что ничто и никогда их не изменит, даже такие события как переезд, болезнь, рождение детей, смена работы, новые законы, война и визит инопланетян. В разводе моих родителей не было правых и виноватых. Просто со временем они повзрослели, изменились, и чувства угасли. Причем процесс шел параллельно. Нельзя сказать, что кто-то внес больший или меньший вклад. Согласитесь, тяжело терпеть на своей территории ставшего чужим человека, тут взо-

рвется даже самый уравновешенный. С годами количество скандалов по мелочам увеличивалось в геометрической прогрессии. И вот в один прекрасный момент мои родители устали ссориться и развелись. Приняв такое решение, мама и папа почувствовали облегчение и моментально договорились об имущественных вопросах, так как оба хотели поскорее освободиться от груза прошлого. Я по традиции остался жить с мамой, но при этом часто виделся с папой. После развода отношения родителей резко наладились. Во время редких встреч они вели себя как дальние, уважающие друг друга родственники – здоровались вежливо, говорили деловым тоном, кратко и по существу.

Тем временем разговор о женщинах и мужчинах постепенно сошел на нет. Удивительная особенность тети Лоры, дяди Коли и Валеры состояла в том, что они могли без всякой причины начать орать, спорить, переходить на личности, припоминать проступки друг друга от момента рождения, а через пять минут весело улыбаться и непринужденно беседовать об эстраде. Когда праздник близился к завершению, довольная тетя Лора спокойно резала торт и предлагала чай. Буря пронеслась – кто хотел выплеснуть пар, сделали это. Разговор стал протекать легко: рассказывали анекдоты, журили начальство, планировали отпуска.

Я и моя мама, в отличие от ее сестры, брата и племянника, не могли так быстро переключаться. Я чувствовал усталость, мама тоже. Стрелки часов приближались к десяти вечера.

- Мам, давай вызовем такси, – предложил я.
- Давай, – согласилась мама.
- Подождите, – вмешался дядя Коля, – я отвезу.
- Не беспокойся, – я старался вежливо отказать, – мы доберемся.
- Я отвезу! – тоном, не терпящим возражений, отрезал дядя.

Тут как назло началась любимая передача мамы и тети Лоры про экстрасенсов. Это означало, что мне предстоит куковать еще как минимум час, а мобильный вот-вот грозил разрядиться. По телевизору в очередной раз говорили о пропавшем ребенке и предполагаемом самоубийстве его матери, как это принято в посвященных магии программах.

– Надо же, – с придыханием воскликнула тетя Лора, – какая у них тяжелая судьба! Джерри, будь добр, отвлекись от мобильного.

- Все это телевидение, – возразил я, – что напишут сценаристы, то и сыграют.
- Шарлатанов, конечно, много, – сказала моя мама, – но есть и те, кто, пережив серьезную травму или клиническую смерть, получают особый дар.

– Особый дар заключается в умении логически мыслить, – не унимался я. – Давай сейчас ты скажешь, что через пять лет в этот день будет землетрясение в Таиланде, а я скажу, что не будет. Один из нас точно войдет в историю как великий предсказатель, потому что это противоположные суждения.

Вообще, я не люблю вступать в дискуссии, где невозможно привести четких доказательств в пользу своей точки зрения, но тогда в конце праздника мне было настолько скучно, что я не удержался.

– Вот тебе еще пример, – с запалом продолжил я. – Предсказываю войну и эпидемию. Поскольку люди на протяжении веков исправно уничтожают друг друга, мое предсказание точно сбудется. Впишите меня в историю.

- Джерри, не митингуй. – Голос мамы звучал строго.

В течение часа мы с тетей Лорой спорили до хрипоты. Я вспомнил Шерлока Холмса и то, что его логические выводы поначалу казались Ватсону чудом. В ответ мне рассказали о Ванге, Нострадамусе, Блаватской и прочей астральной братии.

С праздника мы уехали поздно и в плохом настроении. Сначала домой отвезли маму, потом развернулись к моему дому. Дядя Коля просил показать ему дорогу, но я не помнил тонкостей лабиринта эстакад, так как в основном ездил на метро. Мы заблудились, пропу-

стили поворот, поэтому пришлось сделать лишний круг. Меня, естественно, тут же обвинили в невнимательности. Не имея сил оправдываться, я попросил дядю Колю себя высадить, на что он с радостью согласился.

Как добраться до дома пешком, я знал хорошо. Осторожно пробираясь в темноте, я мысленно просил высшие силы о защите, но это было все равно лучше, чем слушать претензии дяди Коли. Домой я пришел выжатый как лимон, снял ботинки, вымыл руки, почистил зубы, завернулся в плед и, не раздеваясь, заснул.

В понедельник с утра началось то, что я называю «родственным похмельем», когда выпил совсем мало, но ощущения такие, как будто бухал неделю без перерыва. Конечно, я предпочел бы восстанавливать пошатнувшуюся нервную систему с помощью телевизора и бутербродов, но нужно было вставать на работу. А дальше ежедневная рутина взяла свое: выполнить указания редактора, пообщаться с коллегами, сходить в магазин, приготовить, посмотреть кино, позвонить родителям, лечь спать.

Каждый день, уходя с работы, я ждал Ренди, но он так и не появлялся. *«Да, Джерри, старина, хорошего понемножку, – мысленно утешал я себя. – Вернись к реальности».* Когда я было совсем смирился с тем, что в моей жизни не может быть сюрпризов, кроме повышения коммунальных платежей, случилось неожиданное.

В среду, через две недели после дня рождения тети Лоры, я вернулся домой после стандартного рабочего дня. Подойдя к двери, я привычным движением повернул ключ в замочной скважине, ожидая увидеть внутри темный коридор, но, к своему величайшему удивлению, в квартире горел свет, а с кухни раздавался звук скворчащей на сковородке пищи. В первые секунды я подумал, что ошибся квартирой, но, внимательно рассмотрев входную дверь и состоящий из металлических цифр номер, я убедился, что квартира моя. *«Неужели ко мне забралась бомжи или воры? – пронеслась в голове следующая мысль. – Столкновение с ними грозит неприятностями».* Застыв в нерешительности, я попеременно смотрел то на мобильный с желанием вызвать полицию, то на дверную ручку, прикидывая размер штрафа за ложный вызов. *«В конце концов, – заключил я, – ну какой вор будет готовить в ограбленной квартире?! Да и брать у меня нечего. Теоретически могли зайти родители, так как у них есть ключи, но они бы предупредили. Может, у меня шизофрения и там в действительности никого нет?»* Я слегка приоткрыл дверь и осторожно заглянул внутрь.

– Входи уже! – раздался знакомый голос. – Или собираешься ночевать на площадке?!

Из кухни выглянул Ренди в фартуке, надетом поверх летнего льняного костюма. Его собранные в неловкий хвост темные волосы смешно растрепались, а на лице виднелись следы муки.

– Как ты сюда попал? – Я спросил скорее для вида. На самом деле я так обрадовался его визиту, что меня совершенно не волновало, как именно он открыл железную дверь с сейфовым замком.

– Для меня не существует преград, – спокойно пояснил Ренди.

– Почему ты решил дать знать о себе сейчас? – Этот вопрос меня интересовал гораздо больше.

– Время подходящее.

Ренди не стал оправдываться, говорить о большом количестве работы, пробках, усталости, командировках или использовать другие классические отговорки. Впоследствии он никогда не рассказывал, куда уходит, и не сообщал, когда вернется, не называл точной даты или места встречи. Я мог только теряться в догадках, где и чем он занимается.

Глядя, как Ренди пытается красиво уложить на тарелки подгоревшие сырники, я засмеялся. Мы сели за стол и стали ужинать, запивая нехитрое блюдо любимым русским напитком – чаем. На десерт я предложил апельсины и наполовину съеденную шоколадку. Меня

поразило то, как свободно Ренди чувствовал себя на моей территории. Он прекрасно знал, что где лежит.

– Ну и бардак у тебя, – шутливо заметил Ренди, разрезая апельсин.

– Только посредственности нужен порядок, гений господствует над хаосом, – пафосно произнес я.

– Посуду мыть не собираешься? – с улыбкой на губах поинтересовался Ренди.

– Не-а, помою, когда гора в раковине дорастет до крана.

Такие вещи, как грязная посуда, пыль или раскиданная одежда, никогда меня особо не волновали. К тому же жил я один, а значит, мне не перед кем было отчитываться.

Встав из-за стола, мы устроились на потертом диване перед телевизором, но так его и не включили.

– Лови! – Ренди кинул в меня подушкой-думкой.

– Вы – сама любезность! – Я ждал, что будет дальше.

– Как прошел семейный вечер? – спросил мой гость, небрежно поправляя свою челку.

– Как обычно: собрались, поели, поругались. На этот раз из-за экстрасенсов.

– Чем же труженики потустороннего фронта тебе не угодили? – Ренди сразу понял, какую точку зрения отстаивал я.

– Все это шарлатанство!

– Если и так, каждый вертится как может, – заметил Ренди. – Самообман – одно из любимых занятий человечества. Ты же не хочешь его запретить?

– Сам не знаю, почему я завелся. Маму напрасно обидел.

– Похоже, эта тема затронула что-то глубинное. Вот сейчас, например, тебе следовало бы вызвать полицию или пинками выгнать меня за то, что явился без приглашения, но ты этого не делаешь. Почему? – Он смотрел в упор.

– Меня разжалобили твои паленые сырники. А если серьезно, ты скрашиваешь мои будни. Это как...

– ...волшебство, – закончил Ренди.

– Ну, своего рода... – Я замялся.

– Выходит, ты сам не только веришь в магию, но и всячески стараешься привлечь ее на свою сторону. И что же получается, тебе можно хотеть чуда, а твоей маме или... как ее... тете Лоре нельзя?

– Можно, но меня бесит, когда начинают с почтением говорить о разных предсказателях.

– Ах да, Ванга и компания. Подумай, старушке нужно было на что-то жить. За то, что сумела найти свою нишу в таком почтенном возрасте, она заслуживает уважения.

– Ты сам веришь в судьбу? Думаешь, в этом мире все предопределено?

– Что-то предопределено, а что-то нет. В этом вопросе отчасти правы и фаталисты, и скептики. – Ренди говорил как человек, точно знающий ответ. – Некоторые события в жизни человека или человечества действительно предписаны заранее. Они посылаются в качестве награды, предупреждения, испытания или наказания. Но тут важно провести грань между судьбой и фанатизмом. Если случится забыть мобильный дома, не стоит сразу винить Провидение и спешно каяться в грехах. Лучше в следующий раз собираться внимательнее. Думать, что у всякой мелочи есть высокий смысл, – признак крайне нездорового самомнения. Высшие силы не могут заниматься одним тобой двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. То же касается и личной безопасности: если все время переходишь дорогу на красный свет, тебя рано или поздно собьет машина. Это не судьба, а теория вероятности. Некоторые из тех, кто называет себя предсказателями, разбираются в психологии лучше докторов наук, а вероятность подсчитывают точнее, чем математики с мировым именем. На моей памяти есть отличный пример такого предсказания.

- Расскажешь? – Я устроился на диване поудобнее.
- Конечно. – Ренди кивнул. – Мехмеду, царю Персии, однажды предсказали...
- А когда он правил? – поинтересовался я, так как не смог вспомнить такого царя.
- Это ты выяснишь потом с помощью Интернета и энциклопедий, если захочешь.

Может, его вообще никогда не существовало и я все выдумываю, а может, страницы истории не сохранили его имени. Посмотрим, какая из твоих частей победит, ребенок, принимающий многое на веру, или скептик, желающий знать точные даты и, по его словам, не верящий в магию. Предпочтешь ли ты очарование легенды или научные изыскания.

После пятнадцати лет правления царь Персии Мехмед постепенно стал входить в тот возраст, когда больше времени тратится на размышления, а не на действия. Дворцовые дразги, интриги, враги, подхалимы – все это тяжелым грузом лежало на плечах уставшего правителя. Не подумай, что Мехмед был погрязшим в роскоши самодуром, наоборот, он четко представлял, что хочет сделать для своего государства. Беда состояла в том, что, пытаясь претворить свои вполне разумные планы в жизнь, Мехмед сталкивался с такими труднопреодолимыми вещами, как лень, отсутствие добросовестности, страх знати потерять привилегии, личная месть, происки врагов, кумовство, взяточничество и безграмотность. Под воздействием этих факторов первоначальные планы менялись, а результат получался как в пословице «Компромисс – это когда каждая из сторон получает то, что ей не нужно». Царь вынужден был лавировать между семьей, армией, аристократами, крестьянами, ремесленниками, торговцами, жрецами и соседними государствами, как лодочник между рифами. За годы такой жизни он выдохся.

Кроме того, два пережитых покушения заставили правителя чаще думать о смерти. За каждым углом ему чудились наемные убийцы. Супруга властителя успокаивала его старым, как мир, способом, говоря, что если он выжил – значит, так было нужно. Мехмед стал суеверным, начал искать помощи у потусторонних сил. Как и любой человек, он в тайне мечтал о «лампе Аладдина», чтобы все накопившиеся проблемы решились сами собой. И вот как-то раз один из министров, желая выслужиться, посоветовал царю обратиться к знаменитому колдуну, чьи предсказания, по слухам, всегда сбываются.

Решив, что хуже не будет, Мехмед переоделся в простую одежду и в сопровождении четырех, также переодетых, телохранителей покинул дворец. Жилище чародея находилось за пределами города, достаточно далеко, чтобы ощутить все прелести тихой жизни вдали от оживленных улиц, и достаточно близко, чтобы добраться можно было пешком. К удивлению Мехмеда, это оказалась не ветхая хижина с черепами на копьях, а средних размеров дом с небольшим садом, купальней и коваными воротами.

Приближаясь к дому предсказателя, царь испытывал благоговейный трепет, так как там жил человек, который мог общаться с духами. В саду Мехмед увидел аккуратно одетого, коротко стриженного мужчину среднего роста. Не было ни длинной бороды, ни звериных шкур, ни крысиных чучел на шее. По внешнему виду хозяина дома можно было принять скорее за обеспеченного горожанина, чем за колдуна. Он спокойно поливал цветы и, казалось, даже не замечал царя и телохранителей.

Будучи сильным мира сего, Мехмед привык, что при его появлении сразу падают ниц, но, как и всем людям, ему периодически хотелось разнообразия. *«Проверим, действительно ли он связан с богами или только притворяется, – задумался Мехмед. – Настоящий колдун не испугается даже царя, так как находится под защитой своей магии».*

– Я ищу предсказателя, – правитель начал разговор первым.

– Тогда предсказываю, что, сделав два шага, ты его найдешь. – Хозяин дома приветливо пригласил гостя зайти внутрь.

Царь жестом приказал телохранителям оставаться на месте, а сам переступил порог.

– Что хочет знать мой государь? – спросил колдун, показывая на место за столом.

– Как ты узнал, кто я? – спросил пораженный Мехмед.

– Сравнил твое лицо с изображением на монетах.

Чародей приказал своей служанке принести чай и сладости.

– Правду ли говорят, что ты никогда не ошибаешься? – Царь продолжил свою игру.

– Мой государь, каждый верит той правде, которой он хочет верить.

Мехмеду понравилось, что собеседник не пытается с порога впечатлить его рассказами о своем могуществе и не хвастается горой талисманов.

– Имей в виду, я могу приказать отрубить твою голову, если ты меня обманешь, – предупредил правитель.

– Если вы решите, что от моей окровавленной головы для государства больше пользы, чем от налогов, которые я плачу, так тому и быть. Все мы когда-нибудь умрем, а быстрая смерть от удара топора, если подумать, не самый плохой вариант.

Отсутствие страха в глазах колдуна окончательно развеяло сомнения Мехмеда.

– Хочу знать, как я умру. От руки убийцы? От болезни? – Правитель решил задать мучавший его вопрос.

– Я отвечу, если решу, что вы достойны такого предсказания. Назовите мне свой самый великодушный поступок.

– Да как ты смеешь?! – Царь от возмущения даже вскочил с места. – Перед тобой властелин мира!

– Есть силы, которые даже правителям неподвластны, – спокойно произнес предсказатель. – Их бесполезно пугать.

Ошеломленный отказом, Мехмед молчал. С одной стороны, за такое поведение полагалась казнь, но с другой, – только настоящий служитель духов мог предъявлять требования царю.

– Ладно, слушай. – Мехмед снова сел на мягкие подушки. – Я расширил территорию Персии на много фарсахов, покорил дикие племена, все враги трепещут перед моим войском.

– Нет, это всего лишь необходимость, – возразил колдун. – Если врагам вовремя не предъявить доказательства своей силы, они непременно нападут, посчитав приграничные территории легкой добычей.

– А ты упрямец! – воскликнул царь. – Я построил акведуки, издал новый свод законов, под моим руководством создали систему ирригации полей.

– Нет, это всего лишь обязанности, а не великодушие. На то вы и государь, чтобы решать проблемы своей страны.

– Непозволительная дерзость! Может, пытки сделают тебя более сговорчивым?! – пригрозил Мехмед.

– Пытки убьют меня, но не заставят высшие силы открыть тайну вашей смерти.

– Да будет тебе известно, что я пожертвовал сто мешков золота на строительство школ, больниц и сиротских приютов.

– Нет, это всего лишь щедрость. Легко делиться, когда сам живешь в достатке. – Колдун оставался непреклонным.

– Пять лет назад брат моей жены, шейх Асаф, коварно напал на мои земли. Я разбил его войско, но пощадил самого Асафа, так как он мой родственник. Вместо казни я отправил шурина в ссылку. Разве это не великодушно?

– Нет, это всего лишь глупость, – отрезал колдун.

– Тогда что, по-твоему, является великодушием?

– То, с чем ты живешь каждый день, то, что касается лично тебя, выбор, который ты делаешь не один раз, а постоянно.

– Что ж, я совершил один такой поступок. – Голос Мехмеда стал грустным. – Раньше я об этом никому не рассказывал. Каждый царь боится оставить страну без наследника на

растерзание воронам. Несмотря на постоянные молитвы, у меня очень долго не было детей. Потом, когда на свет появился царевич Вахид, моей радости не было предела.

– Да, я помню, роскошные празднества в честь его рождения.

– Случайно я узнал, что он не мой сын. Царица, чтобы дать стране наследника, разделила ложе с другим мужчиной. Считаю, что она поступила правильно. Ни одна из моих наложниц так и не забеременела, значит, бесплоден я, а не жена. Я зову Вахида сыном и воспитываю его как будущего правителя, но при этом знаю, что после моей смерти не останется тех, кто бы продолжил мой собственный род.

– Такой поступок заслуживает предсказания, которое ты просишь. – Колдун одобрительно кивнул. – Так вот, царь, по глупости ты сам себя убьешь.

– Это невозможно! – возразил Мехмед. – Я не собираюсь кончать с собой! Подумай еще, может, со мной произойдет несчастный случай?

– Несчастный случай – это обстоятельство, которым человек не может управлять, – пояснил предсказатель. – У вас же будет выбор, но вы предпочтете самоубийство. Бойтесь не наемных убийц, а собственной гордыни.

– И это все? – сурово спросил Мехмед.

– Да.

– Сколько я должен?

– Ничего. Оставьте мне столько, сколько сами захотите, или не оставляйте ничего.

Царь поднялся и молча вышел из-за стола. Предсказателю он не заплатил ни единой монеты, но слова колдуна глубоко врезались в память правителя. *«Я сам себя убью? – рассуждал Мехмед всю дорогу до дворца. – Может, этот предсказатель на самом деле златолюбивый мошенник? Но тогда логичнее было сказать, что я погибну в бою или от болезни, а потом требовать награду. Гораздо правдоподобнее, чем самоубийство. Конечно, я погряз в страхах и проблемах, но это же не повод накладывать на себя руки».*

Полгода спустя Мехмед заболел оспой. На всякий случай царь составил подробное завещание и приготовился к худшему. *«По крайней мере, теперь я знаю, что тот предсказатель ошибся»*, – думал больной правитель, лежа в своих покоях. Он успел попрощаться со всеми, как вдруг болезнь стала отступать, и вскоре Мехмед полностью поправился. После своего чудесного выздоровления он стал относиться к предсказанию серьезнее и даже перестал бояться наемных убийц. К несчастью для себя, Мехмед забыл предупреждение о гордыни и глупом решении. (Мы часто слышим и помним лишь то, что нас устраивает. В подобных ситуациях лишь немногие ведут себя мудрее персидского царя.)

На двадцать седьмом году правления всплыли последствия необдуманной милости. Изгнанный шейх Асаф, брат царицы, не оставил надежд захватить трон. Как известно, нет стимула сильнее, чем деньги или месть. Многие годы Асаф собирал войско, заключал хитроумные союзы с врагами Мехмеда, терпеливо ожидая подходящего момента для удара. Наконец час пробил, Асаф выступил со своей армией, чтобы занять место царя.

К тому времени Мехмед стал ценить благополучие больше славы, а процветание превыше ратных подвигов. История, искусство, экономика интересовали его гораздо больше военного дела. Но тем не менее силы оказались равны, так как Мехмед не забывал время от времени думать об обороне. Впервые два войска встретились близ города Бахсум. Хитрый Асаф предложил сопернику сразиться один на один, если он не трус. Мехмед согласился. Парадокс, но в глубине души он все еще считал предателя своим родственником. Можно долго рассуждать о том, что побудило царя на столь опрометчивый поступок: гордыня, благородство, самонадеянность или вера в высшую справедливость, – но если армии были равны, то как воин из них двоих Асаф был сильнее. Во-первых, он был на десять лет моложе, во-вторых, большая часть его жизни прошла не во дворце, а в походах, поединках и постоянном страхе за свою жизнь. Мехмед учился владеть мечом, а шейх Асаф применял

знания на практике. Последний умел не просто вести бой, но по-настоящему драться, так как обращение с оружием для Асафа было не искусством, а средством выживания.

В начале поединка Мехмед показал себя достойным воином, смелым и знающим много приемов, но исход уже был предрешен. Молодой, выносливый Асаф не сомневался в своей победе. Точным движением он выбил из рук Мехмеда меч. Царь стал уворачиваться, но Асаф ловко сбил соперника с ног, и тот упал на свой же меч, торчащий из земли. Претенденту на трон оставалось только добить правителя. В последние мгновения жизни, видя занесенный меч в руке Асафа, Мехмед вспомнил предсказание. *«Вот я и убил себя рукой врага»*, – в голове царя пронеслась последняя мысль».

– И что же случилось потом? – поинтересовался я.

– Война. По закону престол переходил к царевичу Вахиду, но Асаф не собирался так просто уходить.

– Кто победил?

– Вахид. После четырех лет сражений. Отдадим должное Мехмеду, он прекрасно обучил царевича, хотя тот не был его родным сыном. Вахид оказался умнее приемного отца и после победы казнил Асафа, чтобы не дать дяде еще одной возможности развязать гражданскую войну. Потом новоиспеченному царю пришлось потратить много лет на восстановление разрушенных городов.

– Получается, жертва Мехмеда была напрасной, раз его города превратились в руины?

– Да. Вот так одно глупое решение, продиктованное ложной добротой, может свести на нет все предыдущие достижения.

– И все равно предсказание колдуна было двойственным, – возразил я. – Проигранный поединок – это не совсем самоубийство.

– Существует много способов покончить с собой. Есть быстрые, например повеситься, вскрыть вены, отравиться. Есть более мучительные: начать принимать наркотики, пить алкоголь не зная меры, упахиваться на работе, выйти замуж за садиста, ходить ночью по подворотням или согласиться на поединок, когда соперник намного сильнее тебя. Бессмысленное жертвование своей жизнью и своим здоровьем – это самое настоящее самоубийство. Впрочем, жить или умереть – это личный выбор каждого человека.

Я чувствовал, что засыпаю. Мозг начал медленно отключаться, веки слипались, тело стало невесомым. Никогда бы не подумал, что смогу так легко уснуть в присутствии гостя посередине разговора, так как обычно посторонние люди и звуки заставляют меня нервничать, но в тот момент, не найдя в себе сил сопротивляться сладкому забытию, я откинулся на подушки и заснул.

Утром Ренди уже не было. Оглядев свою квартиру, я увидел привычный глазу беспорядок. На мгновение я подумал, что, возможно, история про Мехмеда и появление Ренди всего лишь мой сон.

Глава 6

День несогласных

В том году конец июля выдался дождливым, а температура не поднималась выше пятнадцати градусов. По Интернету ходила карикатура с надписью: «В номинации „Лучший октябрь“ победил июль». Для моего организма понятия «тепло» и «холодно» больше зависели от наличия ветра и времени года, а не от показаний градусника. После того как до апреля шел снег и в середине лета вместо шорт и футболок я должен был надевать осеннюю куртку, раздражению не было предела.

«А вот Альберт Гор свою нобелевскую премию за глобальное потепление, небось уже проел!», – ругался я в субботу днем, собираясь к отцу. Я положил в спортивную сумку книжку, белье, носки, зарядное устройство, планшет и на всякий случай лекарства. Кроме того, моей постоянной спутницей почти во всех поездках была небольшая кожаная сумка. В ней лежали ценные вещи: кошелек, мобильный, проездной, пропуск на работу, таблетки от горла, пластырь, карманный атлас Москвы с указанием маршрутов общественного транспорта, ключи от дома, гаража и машины, расческа и еще несколько мелочей. Этот набор был постоянным. Таким образом, я старался обезопасить себя от вероятности забыть дома что-то по-настоящему важное во время спешки. Если раскидывать вещи по карманам, они становятся доступными для воров-карманников, а если с утра впопыхах наденешь не ту куртку, то непременно оставишь дома мобильный или кошелек. Перекидывать все это в один рюкзак мне было лень, поэтому я предпочел взять две сумки: кожаную и спортивную.

По поводу лекарств хочу сказать, что терпеть не могу возиться с больничными листами. Помню, для института мне нужно было взять форму 0-86. В холле перед кабинетом окулиста одна бабулька высказала мудрую мысль: «В поликлинику можно ходить только здоровому человеку». Промучившись в очередях неделю, я с ней полностью согласился. По простудным заболеваниям я могу написать диссертацию, а самое главное, что я о них знаю, так это то, что можно избежать повышения температуры, если быстро начать лечение. В противном случае придется либо ходить на работу, варясь в собственном соку, либо париться с получением и закрытием больничного. Поэтому лекарства от простуды и гриппа всегда при мне. Держать при себе пластырь меня научила прогулка с друзьями, на которую я пошел в новых ботинках и стер себе мизинцы ног до мяса.

В пятиэтажном гараже, находившемся напротив дома, меня ждала моя четырехколесная подруга Наоми, черная «мазда 3» с автоматической коробкой передач. Свое имя машина получила в честь известной топ-модели Наоми Кэмпбелл. Еще при жизни дедушка решил разделить свои сбережения между наследниками. Тогда он подарил мне внушительную сумму денег. Я дал себе мысленный зарок, что не буду сразу тратить свое наследство, так как деньги могли понадобиться дедушке на лечение. Лишь после его смерти я задумался о том, чтобы найти этим средствам достойное применение, и решил купить машину. Для начала я пошел учиться водить. Природного таланта к этому занятию у меня нет, но мне повезло встретить отличного инструктора; его звучная фамилия Радостин полностью соответствовала отношению к жизни. Он не требовал от меня мгновенных успехов, а методично и спокойно объяснял все детали. Проблема заключалась в том, что мои голова и тело привыкли жить отдельно друг от друга. Умом я сразу понимал, что нужно делать, но на практике на отработку любого навыка уходили месяцы. Я путал право и лево, не мог быстро переключать передачи, глох на светофорах. Прошло восемь месяцев, перед тем как я почувствовал себя более-менее уверенно на знакомом маршруте. Район вокруг ГИБДД мы объездили вдоль и

поперек, поэтому я знал там каждую яму и каждый светофор. Экзамен на права я сдал с первого раза.

Папа тогда так гордился мной, что предложил заплатить за половину будущей машины. Проведя в Интернете мониторинг под названием «Автомобили и цены», я определил для себя круг моделей, которые мне по карману, и поехал вместе с папой в «Мэйджор» выбирать транспортное средство. Там располагался настоящий город из автосалонов разных марок, поэтому было удобно сравнивать разные модели. До сих пор я считаю, что своего железного коня нужно выбирать сердцем. Сев в «мазду», я влюбился в эту машину и сразу решился на покупку. В августе ко мне из Японии приехала Наоми. Мы с ней сразу поняли друг друга. Она слушалась руля идеально; порой мне казалось, что машина читает мои мысли и заранее совершает нужное действие, стоит мне об этом подумать. Конечно, я сразу стал следить, чтобы у моей красавицы было все самое лучшее – сам мыл и полировал ее на даче, поддерживал идеальную чистоту в салоне. Как любая породистая машина, Наоми требовала к себе бережного отношения и не могла мерзнуть зимой под окном. Тут проблема решилась сама собой – гараж мне достался после того, как папа переехал за город. За заботу четырехколесная подруга платила мне безоговорочной преданностью. В автосервис я ездил только на плановое техобслуживание. (Наоми и сейчас принадлежит мне, до сих пор на ходу, хотя теперь ее относят к категории раритетных коллекционных машин.)

С машиной мне повезло, но навыки вождения все еще оставляли желать лучшего. По знакомым дорогам или по автостраде я ездил без проблем, но маневрирование в городе, особенно в пробках, по-прежнему давалось с трудом. На работу я добирался на метро, потому что так быстрее, но в Подмосковье ездил только на машине.

Дом моего отца находился в поселке с красивым названием «Долина ветров». Располагалось это место примерно в часе езды от Москвы. Добраться туда можно было только на автомобиле (ну, может быть, еще на вертолете), так как от ближайшей железнодорожной станции потребовалось бы еще час с лишним пилить по лесному бурелому. Примерно в двадцати минутах ходьбы от дома, в деревне, стояла покосившаяся автобусная остановка, но я никогда не видел, чтобы там останавливалось что-нибудь хоть отдаленно напоминающее общественный транспорт. Сам дом представлял собой двухэтажное здание с гаражом. На цокольном этаже находились коммуникации, на первом – гостиная и кухня, а на втором – спальни. В небольшой пристройке над гаражом располагался кабинет.

На участке папа и его жена выращивали цветы, клубнику, малину, смородину, огурцы, помидоры, морковь, кабачки, яблоки, груши, сливы и даже картошку. Возникало множество сопутствующих проблем, связанных с поливом, удобрениями, сорняками и зимовкой, но у папы после переезда открылся настоящий талант изобретателя. Он сам вручную собрал систему полива, а для огорода с помощью старых досок сделал высокие грядки, чтобы не нужно было наклоняться. Дом папа также проектировал сам, а его жена занималась дизайном интерьера. Я чувствовал, что они вкладывают в участок свои души и радовался, что у отца появилось доставляющее радость увлечение, но все же не мог до конца понять, зачем тратить столько сил на ежедневную двухчасовую дорогу на работу, когда можно читать, смотреть фильмы, играть в компьютер в городской квартире. Да разного рода развлечений, кинотеатров, выставок намного больше в городе, а все овощи можно купить в магазине.

Добравшись до «Долины ветров» я поставил машину у ворот, а сам прошел в дом. Папа встретил меня в холле и тепло пожал мою руку:

- Привет! Как добрался? – Он явно был рад меня видеть.
- Хорошо! С тех пор как тут новый асфальт положили, ездить – одно удовольствие.
- Обедать будешь?
- Да.

Мы прошли на кухню.

- Как дела? – Как только разогрелся суп, папа начал свой ритуал.
- Хорошо. – Я улыбался.
- Как здоровье?
- Отлично!
- Как мама?
- Тоже здорова, чего и тебе желает.
- Как бабушка?
- Хорошо, все здоровы.

Эта церемония проходила при каждой нашей встрече. Если я забывал вовремя сказать, что все здоровы, папа начинал спрашивать про каждого по отдельности.

- Как на работе? – поинтересовался папа.

– Бардак, – непринужденно ответил я, а потом стал рассказывать о своих удачных статьях, о нашем колоритном фотографе Боре и других интересных моментах, стараясь вложить в свои истории как можно больше юмора.

Тут важно было соблюсти баланс. С одной стороны, я мог свободно рассуждать только о том, что волновало меня самого, но с другой – нельзя было грузить папу своими проблемами. Я прекрасно понимал, что, если буду слишком серьезен, папа начнет волноваться и даже может заболеть, но если вообще не рассказывать о своей жизни и разговаривать только на безобидные темы вроде китайской каллиграфии, то появлялась опасность стать чужими людьми. Поэтому в общении с отцом я придерживался золотого правила PR: «Правду, только правду, но не всю».

- Главное, тебе нравится? – снова спросил папа.
- Нет. Мне нравится дурака валять, а работа нужна для денег, – честно сказал я.

Папа молчал. В его представлении, я должен был безумно любить журналистику, так как выбрал ее сам. А уж если он что-то для себя решил, переубедить не представлялось возможным. Держа в руках несколько сорванных в теплице огурцов, к нам подошла Ирина, вторая жена папы. Это была симпатичная женщина среднего роста со светлыми волосами. По возрасту они с папой были одногодками. Ирина тщательно следила за своей кожей, одевалась стильно, без чрезмерного шика, но с присущей зрелой красоте элегантностью.

После развода папа в глазах женщин автоматически превратился в перспективного жениха: обеспеченный, с постоянной работой, не курящий, пьет в меру, дом за городом, спокойный, хотя бывает обидчивым, для своего возраста красивый, от первого брака есть только один сын (я), да и тот вполне адекватный. О кратком периоде своей холостой жизни папа никогда не рассказывал, но интуиция подсказывала мне, что ему было из кого выбрать. В Ирине, на мой взгляд, его привлекли, прежде всего, хозяйственность и практичность. Она могла часами заниматься цветником, указания рабочим раздавала не хуже инженера, а расходы подсчитывала с кропотливостью любящего свое дело бухгалтера.

Ксюша, дочь Ирины от первого брака, была на два года младше меня. После того как Ирина переехала к моему отцу, ее дочь осталась жить в их московской квартире. Веселая, порой немного легкомысленная, но в целом добрая девушка, Ксюша вызывала у меня теплые чувства. Как-то мы с ней рассуждали о том, что значит быть не единственными детьми в семье. Ксюша призналась, что предпочла бы быть младшей, а я честно ответил, что хотел бы быть старшим. Наконец, мы с ней решили, что это высшие силы исполнили наши желания таким вот оригинальным способом.

Когда папа стал холостяком, я начал бояться, что он найдет себе абсолютно неменяемую стерву, но, увидев спокойную и жизнерадостную Ирину, я очень обрадовался. Всем своим видом, словами и действиями я старался сказать папе: «Бери!» Особенно мне пришелся по душе тот факт, что у нее дочь, а не сын. Положа руку на сердце, скажу, что я не смог бы смириться с тем, что перестал быть единственным сыном. В парне я бы видел соперника,

а не брата, но Ксюша даже теоретически не могла стать сыном (ну разве что сменив пол), потому что она девочка. Возможно то, что я сейчас говорю, кажется вам странным и нелогичным, но именно так я себя чувствовал.

С Ириной, Ксюшей и часто заезжавшим к нам в гости братом Ирины Александром Витальевичем у меня, несмотря на отсутствие кровного родства, сложились хорошие отношения. Возможно, именно потому, что мы не являлись родственниками в традиционном понимании, у всех нас стоял внутренний фильтр, благодаря которому мы не могли себе позволить слишком колких шуточек или раздражающе навязчивых советов.

Я не знал, заключил ли мой папа с Ириной официальный брак, а проверить паспорт не представлялось случаем. Решив судить по более надежным и заметным признакам, я обратил внимание, что подаренное папой кольцо Ирина носила на безымянном пальце правой руки. *«Если папа это позволяет и не просит надевать круглый символ на другую руку или палец, значит, он считает ее своей женой»*, – заключил я.

В тот день я, как обычно поздоровался с Ириной, поинтересовался ее делами и повторил на бис самые смешные истории, а потом поднялся в спальню наверх. Парадокс, но для папы важно было само мое присутствие. Он постоянно звал меня в гости, но при встрече мы разговаривали не так уж долго. У себя в комнате я завалился на кровать с мобильным телефоном, намереваясь поиграть в недавно скачанную бродилку, из тех, что не отличаются сложностью, но затягивают с головой. Прежде чем предаться этому упоительному занятию, я снова подумал о Ренди. Он давно не появлялся, не звонил, не писал. Я толком ничего о нем не знал, и все же после пары случайных встреч он стал мне ближе, чем некоторые люди, с которыми я общался несколько лет. *«В следующий раз обязательно его сфотографирую»*, – решил я.

Ближе к семи вечера меня позвали ужинать. Папа приготовил стейк с овощами. В какой-то момент в сознании отца произошел переворот, и он полюбил готовить. Папа часто смотрел кулинарные шоу, но предпочитал не четко следовать рецептам, а ставить эксперименты. Причем готовить ему нравилось больше, чем есть. Иногда папе удавались настоящие шедевры, ну а некоторые блюда были ярким примером поговорки «импровизация хороша, когда она хорошо отрепетирована». Из всех продуктов он отдавал предпочтение мясу. Себе папа клал средние или маленькие порции, зато другим, если не проследить, мог положить столько, что одной такой порции хватило бы на семью с четырьмя детьми. Разумеется, он делал это из лучших побуждений, желая продемонстрировать свою любовь и щедрость, но мой желудок не мог вместить в себя столько положительных эмоций.

– Джерри, тебе сколько кусочков положить? – спросил папа.

– Один, – уверенно ответил я.

– Давай два положу? – хитро предложил папа.

– Нет, спасибо. – Я говорил четко, вежливо и твердо.

Это была особая, вырабатываемая годами интонация, учитывающая необходимые пропорции: если голос будет звучать слишком мягко, папа непременно положит второй кусок; если слишком жестко, он обидится.

Как только мясо было разложено, а вино в бокалы налито, мы приступили к ужину. В отличие от меня, папа и его жена превратили прием пищи в своеобразный ритуал. В зависимости от приготовленного блюда подавался подходящий напиток: красное вино, белое вино или текила. Остальные изобретения алкогольной промышленности использовались реже, в основном по праздникам. На этот раз мы откупили бутылку красного итальянского сухого вина. Благодаря папе я стал настоящим гурманом в области вин и могу отличить благородный напиток от кислятины массового производства.

– За встречу! – Папа поднял бокал.

– За встречу! – поддержал я.

– Приезжай почаще, – внесла лепту Ирина.

Мы сделали пару глотков, а потом принялись за еду.

– Попробуй мясо. – Папе не терпелось услышать комментарии по поводу его нового рецепта.

Я отрезал небольшой кусок стейка. Мясо оказалось очень вкусным. Налив себе стакан минеральной воды в дополнение к вину, я стал с аппетитом кушать.

– Не нравится? – Папа забросил крючок.

– Нравится. – Я был готов к предлагаемой игре.

– Может, еще положить?

– Нет, спасибо, мне как раз достаточно одного куска.

– Значит, не нравится.

– Вот смотри, – спокойно произнес я, стараясь изобразить тон преданного делу учителя. – Еда – это своего рода топливо, необходимое для работы человеческого организма, как бензин для машины. Ты же не будешь заливать в маленькую «мазду» столько же, сколько во внедорожник? Я работаю в офисе, веду сидячий образ жизни, поэтому ем мало.

По лицу я видел, что повара мое объяснение устроило. Ужин продолжился.

– Ира, ты огурцы закрыла? – обратился папа к своей жене.

– Нет, тепло же.

– Вот так всегда. Опять тебе лень. В прошлый раз они померзли.

Началась увлекательная дискуссия на садово-огородную тему. Оба говорили на слегка повышенных тонах, но не кричали, а скорее ворчали.

– Опять я виновата, – констатировала Ирина.

– Конечно, – вмешался я, – и в мировом кризисе тоже ты виновата.

– Естественно. – Папа заулыбался.

Шутка сработала, конфликт был погашен. Я остался доволен своими дипломатическими способностями, хотя их споры никогда не перерастали в ссоры: видимое предъявление претензий на самом деле было особой манерой общения и способом снятия стресса.

Далее я стал рассказывать о выставке современного искусства и пиарщике Винсенте, умолчав при этом о знакомстве с Ренди.

– Главное, тебе интересно? – снова спросил папа.

– Нет, – честно ответил я.

– Кто хочет, ищет возможности; кто не хочет, ищет причины. – Папа назидательно произнес одну из своих любимых цитат, с которыми не поспоришь.

Это крылатое выражение приписывают Сократу, хотя, учитывая, как плачевно греческий мудрец окончил свои дни, сам он своим советам не следовал. Что касается папы, то он не замечал многих моих недостатков. В данном случае он прочитал в моих словах примерно следующее: «Я обожаю журналистику и очень рад, что туда пошел; иногда возникают трудности, но я стремлюсь их преодолевать, используя возможности для своего развития и самореализации».

– Не женился еще? – поинтересовался папа, когда мясо было съедено, и мы с Ириной стали убирать тарелки.

– Не-а, – отозвался я.

Даю пояснение, как прозвучала эта фраза после преобразований в ушах моего папы: «Еще пока не женился, но скоро найду удивительную девушку, буду жить с ней долго и счастливо, нарожаю тебе внуков и внучек».

– Распишем пулю? – весело предложил я.

– Неси карты! – согласились Ирина и папа.

Признаюсь, мы все заядлые картежники. Я умею играть в преферанс, покер, «тысячу», «девятку», несколько разновидностей «дурака», «мао-мао», «слепого», «квартет», «чемо-

дан», «козла» и еще несколько игр. Принеся карты и блокнот со второго этажа, я нарисовал пулю на 20. Подстрекаемые азартом, мы моментально оживились. За столом стали раздаваться классические карточные шутки, вроде «два валета и вот это», «три девятки под окном», «и пика, и черва приходят к нему, и примет он смерть от коня своего». Если кто-то садился в гору, победитель тихонько напевал: «Все выше, и выше, и выше» или задавал шуточный вопрос: «Как там на Эвересте?»

В процессе игры мы с отцом моментально находили общий язык. Играли мы не только в карты, но и в боулинг, бильярд, домино, иногда футбол. Еще папа владел шахматным мастерством на уровне гроссмейстера, а вот я так и не научился.

– Ира, не подглядывай! – предупредил папа.

– Я не смотрю, я случайно, – стала оправдываться его жена.

Периодически она выдавала перлы, достойные лучших юмористов и пародистов. Особенно мне запомнился один случай накануне Нового года. Для праздничного стола Ирина решила сделать традиционный салат «Оливье» с перепелами. После того как птички сварились, она попросила папу отделить мясо от костей и порезать мелкими кусочками. Мой отец добросовестно занимался этой работой, складывая мясо перепелов в одну чашку, а кости в другую. Спустя полчаса зазвонил его мобильный, и папа поднялся на второй этаж, где лежал телефон. В этот момент в кухню вошел я. Последующая фраза Ирины, сказанная непринужденным тоном, заставила меня на мгновение побледнеть. Звучала она так: «Джерри, там папины кости лежат, можешь поглотать».

Играли в преферанс примерно до десяти вечера, несколько раз вспоминали известный карточный анекдот из области черного юмора: трое играют в преферанс. Один много проигрывает, прыгает в окно, разбивается. Двое других несут гроб на похороны. Один другому говорит: «А вот если бы ты пошел в семерку пик, вот тогда бы можно было...» – «Да ладно, и так хорошо получилось», – отвечает второй.

К своей чести замечу, что играл я либо на интерес, либо на что-то конкретное, вроде пиццы, апельсинов или пива. На деньги мне довелось сыграть лишь один раз в восьмом классе в «девятку». Помню, выиграл 131 рубль, которые потом потратил на поход в «Макдоналдс», но удовольствия от игры я не получил совсем. Все время думал о том, как бы не проиграть, а безобидные шутки вызывали море гнева. С тех пор я дал себе слово, что больше никогда не буду играть на деньги.

Едва мы посчитали очки, как заглянули соседи: Арсений и Мирослава Гришины со своей младшей дочерью Ингой. Говорят, что, переезжая, вы в первую очередь приобретаете не дом/квартиру, а соседей. Нам очень повезло, потому что папа знал Гришина еще с института. Вшестером мы решили устроить чемпионат по настольному теннису, так как погода и уличные фонари вполне позволяли. Сначала шло первенство дуэтов, потом индивидуальный зачет. В командных состязаниях мы с папой заняли первое место, но в одиночных у меня в тот раз игра шла не очень хорошо.

В воскресенье я встал поздно, позавтракал, потом отправился косить газон, а после обеда уехал обратно в Москву. Дома я даже нашел время для своего творчества: с детства люблю придумывать различные истории; некоторые представляют собой целые сериалы, которые постоянно хранятся в моей голове. Несмотря на время, я помню все подробности всех сочиненных мной сюжетов. С документированием дело обстоит сложнее. На первом курсе института я написал небольшую повесть, а потом начал исторический роман, где хотел рассказать о своей семье от прадедов до родителей. Очень скоро я понял, что не могу описывать реальные события или обстановку тех времен, так как мне скучно. В результате этот роман я забросил и начал фантастический, открыв простор для своей фантазии. Сначала дело продвигалось бойко: я дни напролет рисовал карты, продумывал события, образы. Запала хватило примерно на месяц, потом мне стало лень записывать свои идеи. Три года я

постоянно возил с собой заполненную примерно на четверть тетрадь формата А4 с автомобилем на обложке, надеясь поймать вдохновение. Много раз я обещал себе начать писать, но все время находил тысячу и одну отговорку, чтобы этого не делать. Причем просмотр документального ужастика «Среда обитания», где описываются скрытые нюансы пищевой промышленности, мой мозг тоже считал важным делом, требующим незамедлительного внимания.

Большую часть своих статей для газеты я также выдумывал – все равно никто проверить не будет. Этот старый, как мир, прием я освоил еще в институте. На втором курсе нужно было провести социологическое исследование: подобрать интересную тему, поставить цель, выдвинуть гипотезу, сделать красивые выводы. Сначала я пытался играть по правилам: подготовил анкету, стал опрашивать респондентов, но все ответы были однотипными. С таким результатом у меня не было возможности применить и одну десятую тех фишек, что рассказывались на лекциях, а значит, таяла надежда сдать экзамен «автоматом». Для решения проблемы я разом выкинул все анкеты и взял нужную статистику из своей головы. Таким образом, у моего исследования получилась четкая, продуманная, логичная структура с впечатляющими диаграммами, где практическая часть идеально сочеталась с теоретической. Я также применил еще один прием, который действовал безотказно на всех преподавателей: выдвинуть несколько гипотез, но так, чтобы одна потом не подтвердилась. Это создавало дополнительное ощущение реальности. И еще, я заметил, что, когда выдумываешь числовые данные, лучше использовать неровные цифры, например, 13, 74,1, 44,9 %. Они смотрятся правдоподобнее, чем круглые 20 или 50 %. В итоге мое исследование было признано лучшей работой потока, его даже оставили на кафедре, что еще раз подтвердило гипотезу о том, что 45 % статистики берется с потолка.

После того случая, видя любые цифровые данные, я стал задумываться над тем, как они получены. Когда говорят, что в этом году в Москве родилось 51 % мальчиков и 49 % девочек, я верю, так как собрать статистику по роддомам вполне реально. А вот утверждения вроде «в Москве 35 % жителей больны игроманией» меня настораживают: сложно представить соцработника, который подходит к игрокам в казино и спрашивает: «Извините, вы больны игроманией?» За такое можно и по морде получить. Отсюда вывод, что методология данного исследования мало отличается от той, которую я использовал для своего студенческого проекта.

Начав работать в газете, я осознал, что интересный материал не валяется на каждом шагу, но искать его мне лень. Когда меня специально посылали на какие-то мероприятия, я, конечно, ездил, но сам инициативы не проявлял. Для повседневной работы в моем арсенале были: программа «Photoshop» и словосочетания вроде «анонимный источник», «источник, близкий к госструктурам» и прочие собирательные термины, достоверность которых невозможно проверить.

В то утро я как раз начал работать над темой мошенничества в области озеленительных программ, постепенно превращая ее в увлекательный детектив, но мой творческий процесс был нагло прерван фотографом Борей:

– Выходные выдались бурные?

– Так, ограбил пару банков, с инопланетянами встретился. Ничего интересного, – весело ответил я.

– Пошли кофе пить? – предложил мой коллега.

– Пошли.

Лучше бы я не соглашался. Прямо в центре офисной жизни, у кофейного автомата, нас встретил главный редактор и владелец газеты Владимир Петрович. Это был невысокий, полноватый мужчина 38 лет, с лысеющей головой, пухлыми щеками и мощным торсом, ходивший с портфелем лет на десять старше себя самого. К своей работе он относился

прохладно, растеряв запал еще при регистрации юридического лица. Когда мне становилось действительно тоскливо, я говорил себе, что в случае увольнения где-нибудь пристроюсь, а для шефа его газета все равно что тюрьма. В отличие от меня ему нужно было кормить двоих детей, жену и родителей. Карьера стала для Владимира Петровича не личным выбором, а средством выживания.

– Веревкин, для тебя есть задание, – начал шеф.

– Слушаю и внимаю. – Я приготовился.

– Нужен фоторепортаж о русской деревне. Хорошо пойдет вкупе с реформами сельского хозяйства.

– Я помогу! – неожиданно вызвался Боря. – Поехали в «масленку», у меня там знакомые.

– А в сахарнице у тебя друзей нет? – с сарказмом в голосе поинтересовался я.

– Село Масляное, – уточнил Боря.

– Договорились! – обрадовался Владимир Петрович и через минуту скрылся в своем кабинете.

– Боря, где хоть это? – снова спросил я.

– Немногим больше ста километров от МКАД по Дмитровскому шоссе.

– А поближе никак? Поехали лучше в Красногорск, – предложил я, – наснимаем там покосившихся домиков, и дело с концом.

– Да разве это деревня?! – возразил Боря. – Тебе точно нужно выехать из Москвы. Там настоящая природа! Поехали в среду?

– Жду не дождусь, – процедил я.

В тот момент я был готов призвать на голову штатного фотографа какое-нибудь страшное проклятие. Если бы не этот энтузиаст, любитель природы, я бы, как обычно, выдумал материал, снял несколько домов на улице Левитана, а потом довел бы снимки до ума при помощи визуального редактора в своем компьютере. Лица людей я брал из социальных сетей, а затем, чтобы избежать претензий, менял их в редакторе до неузнаваемости. Так рождались совершенно новые колоритные персонажи. Поразительно, но двухнедельный курс обучения работе в «Photoshop» помог моей карьере больше, чем пять лет на факультете журналистики.

«Теперь из-за правдолюбия Бори я вынужден переться к черту на рога! Ах, если бы можно было повернуть время вспять», – мысленно ругался я, возвращаясь на свое рабочее место с сердцем, наполненным жалостью к самому себе.

– Что головушку повесил? – обратилась ко мне Нина Федоровна, пожилая и добродушная дама-бухгалтер.

– В деревню отправили, – сознался я, – вместе с Борей.

– Ну, ничего, ты еще молодой. – Нина Федоровна включила свой фирменный успокаивающий голос. – Нас в твои годы в Сибирь гоняли.

«Опять упоминание о годах, – мысленно возмутился я. – С каких пор „молодой“ и „супермен“ стали синонимами?! Почему все вокруг уверены, что если мне нет тридцати, значит, я могу не спать ночами, жить в клоповнике и переваривать любую тухлятину?!»

– Нина Федоровна! – раздался раздраженный голос. – Долго я еще буду ждать свой аванс?!

К нам подошла Вероника, очень высокая, крупная женщина средних лет с коротко стриженными темными волосами и вечно недовольным лицом, что подчеркивали опущенные уголки губ.

– Я же объясняла, аванс будет десятого числа, – оправдывалась бухгалтер.

– И на что я все это время должна кормить троих детей?! – Вероника повысила голос. – Это ваша работа, а не моя! – Она стояла над Ниной Федоровной, сверкая глазами.

– А как там поживает ваша работа? – вмешался я, видя замешательство бухгалтера. – Колонка советов на этой неделе выйдет вовремя или как всегда?

– На! – Вероника кинула мне на стол несколько листов бумаги. – Сам доделывай! У меня нет на это времени! Дочка простыла! Скажешь директору, что я ушла! – С этими словами она резко развернулась и направилась к выходу.

– Не стоило... – начала Нина Федоровна.

– Нет, стоило, – возразил я. – Будь у нее хоть семеро по лавкам и рак в последней стадии, это не дает права хамить и вести себя так, как будто ей все должны.

– В прошлом году Веронику хотели уволить, но та пошла в суд и выиграла, – вспомнила бухгалтер.

– М-да, на это время нашлось. – Я просматривал кинутые бумаги с набросками. – Нет, ну что за советы?! Все сводится к «отвалите, я занята».

– Будешь переделывать? – поинтересовалась Нина Федоровна.

– Да, но подпишу своим именем. – Я хитро улыбался.

– Ладно, пошла я, – попрощалась бухгалтер, – а то сегодня еще в пенсионный ехать.

История с Вероникой тянулась не один год. Как мне рассказывали, в первое время она была тише воды ниже травы, но как только закончился испытательный срок, кобра проявила себя во всей красе: орала Вероника так, что могла испугать толпу зомби, ее физическая сила была вполне сопоставима с мужской, а статус матери-одиночки с тремя детьми являлся отговоркой на все. Когда Владимир Петрович в очередной раз попытался призвать к порядку эту не вылезающую с больничных ведьму, она привела своих детей прямо на работу и стала говорить: «Вот, посмотрите, кто у вас последний кусок хлеба отнимает».

Наш главбух Нина Федоровна, по сути бабушка – божий одуванчик, получала от Вероники порцию люлей чаще всех. Я при случае всегда заступался за пожилую, добросовестную женщину, поэтому Нина Федоровна прониклась ко мне искренней симпатией, а Вероника занесла в свой черный список.

В тот день я с разрешения шефа доделывал колонку советов. Работа под названием не бей лежачего. Естественно, для разнообразия я добавил парочку писем от себя, подписав их разными именами, и сочинил к ним остроумные ответы.

Вернувшись домой, я сразу завалился спать, хотя стрелки часов не добрались даже до десяти вечера. Во вторник утром, несмотря на крепкий сон, я встал с трудом, но уже через час оживился. Весь рабочий день я провел в Интернете, читая анекдоты, так что к вечеру был в превосходном настроении. Погода радовала не меньше Всемирной сети: уже в воскресенье температура начала подниматься, а ко вторнику наконец достигла летних тридцати градусов. Я люблю жару, поэтому в тот вечер мне совсем не хотелось сидеть дома.

Доедая разогретую лазанью, я думал над тем, куда пойти. Тут, словно по заказу, зазвонил мобильный телефон, номер звонившего не определялся.

– Алло, – с интересом произнес я.

– Выходи на прогулку! – раздался мягкий и такой знакомый голос.

– Ренди! – Моей радости не было предела. – А где ты?

– На улицу посмотри.

Подойдя к окну, я увидел стоящего на тротуаре Ренди с мобильным в руке. «*Прямо как в кино*», – пронеслось в моей голове. Естественно, я пулей собрался и выскочил из квартиры, почти чувствуя за спиной крылья.

– Идем, – задорно произнес Ренди, одетый в яркие шорты и гавайскую рубашку с пальмами, делающую его похожим на хиппи.

Я последовал за ним, не спрашивая о маршруте. Мы шли по улицам Москвы, наслаждаясь мягким вечерним солнцем. Я рассказывал ему про Борю и предстоящую поездку в деревню, а Ренди только слегка кивал.

– Ничего, переживу, – сказал я в заключение. – Но ты не представляешь, как бы я хотел повернуть время и не ходить к кофейному автомату!

– Повернуть время... – протянул в ответ Ренди. – Интересно, что ты заговорил об этом в День несогласных.

– Не слышал про такой.

– Много лет назад один человек все же сумел повернуть время.

– Как же звали этого «несогласного»? – спросил я.

– Находясь среди сошедших с ума от поощряемой ненависти, Питер сумел сохранить способность мыслить здраво, пошел наперекор сложившемуся жестокому порядку и принес себя в жертву ради возможности прекращения войны, зная, что о нем никто не вспомнит.

Ныне забытое королевство Иллирион существовало задолго до того, как стали развиваться география и картография. Оно было не очень богатым, но и не бедным. Как и в любой стране, там жили аристократы и торговцы, ученые и бродяги, фермеры и ремесленники, дураки и мыслители, те, кого принято называть успешными и самопровозглашенные неудачники.

К западу от Иллириона располагалась земля под названием «урочище Серых Скал», где правила графиня Мейгл Тереза Бор. По размеру эта территория была сопоставима со всем королевством, но местность в основном была покрыта болотами и густыми хвойными лесами, что делало ее непригодной для земледелия. Несмотря на название, гор там не было. Видимо, такое не соответствующее ландшафту имя графство получило благодаря построенному из серого камня замку своей хозяйки. Из-за узких окон и острых шпилей на башнях он издали напоминал скалу. Населяли урочище Серых Скал маги, ведьмы, русалки, гномы, дриады и прочие представители потустороннего мира, у которых нет причин бояться холода или болезней.

Я совру, если скажу, что две столь разные культуры существовали мирно. В урочище Серых Скал периодически появлялись те, кто пытался поставить магическое искусство в услужение своему тщеславию, а в Иллирионе те, кто считал всех обитателей урочища слугами дьявола.

Почти на границе с урочищем Серых Скал находился небольшой город Пария, населенный в основном фермерами и ремесленниками. Семейству Крей, в котором родился Питер, принадлежала мельница. Как бы сказали сейчас, семья Крей владела малым бизнесом. Глава семьи, отец Питера, был состоятельным человеком, потому что усердно работал. Он обладал одним из редчайших качеств – точно знал, сколько денег нужно для счастья. Кроме того, родители Питера были оба согласны с тем, что человек создан жить, а не выживать. Своего единственного сына они, конечно, рано приучили к труду, но тем не менее оставляли ему время на учебу в приходской школе и на собственные исследования окружающего мира.

Противоречивые слухи об урочище Серых Скал будоражили детское воображение Питера. Загадочная земля так и манила мальчика своими чудесами, а случай, произошедший с ним в десять лет, привел к тому, что Питер стал мечтать о путешествии в полный волшебства край.

Как-то раз Питер вместе с друзьями играл на улице, дожидаясь начала уроков. Внезапно раздались громкие крики:

– Пожар! Пожар!

Моментально все находящиеся поблизости люди побросали свои дела и бросились тушить загоревшийся на окраине дом. Как выяснилось позже, хозяева, выпив лишнего, решили играть в прыжки через огонь прямо посреди отделанной деревом комнаты. Для лучшего горения они даже облили пол маслом. Так как стояла сухая погода, пламя моментально перекинулось на соседнее жилище.

Напуганные люди по цепочке передавали ведра с водой, но ветер раздувал пламя быстрее. Питер и его сверстники также участвовали в тушении пожара вместе со взрослыми, но даже совместных усилий населения четырех подобных Парии городов не хватило бы для борьбы с огнем. Спасти ситуацию мог разве что сильный дождь.

Неожиданно прямо из-под земли вокруг горящих домов вырвались струи воды, и пожар моментально стих. В нескольких метрах пораженные жители Парии увидели необычного человека в зеленой одежде с длинным гладким хвостом, совершенно серой кожей и напоминающей гриву густой темной шевелюрой на голове. Незнакомец держал левую руку с длинными когтями вытянутой вперед и что-то шептал. Испугавшись странного гостя, люди бросились врассыпную. «*Как можно бояться того, кто только что спас весь город от огня?!*» – пронеслось в голове Питера, и мальчик остался стоять на месте. Серый незнакомец между тем опустил руку, и струи воды исчезли. Небольшими шагами он приблизился к Питеру на своих когтистых лапах.

– Как у вас это получилось? – поинтересовался любопытный ребенок.

– Научился, – с легкой улыбкой на своих черных губах ответил волшебник.

В этот момент считавший себя в ответе за детей священник схватил Питера и поспешил увести мальчика от казавшегося опасным человекоподобного существа.

Ответ серокожего гостя произвел неизгладимое впечатление на Питера. Раньше все вокруг говорили, что магические способности даются с рождения, но теперь настоящий волшебник сказал, что такому учатся. Питер решил во что бы то ни стало попробовать себя на магическом поприще.

На пути к осуществлению своего большого плана он столкнулся с множеством мелочей. Располагалась загадочная земля всего в сорока километрах от мельницы, но брать лошадь без разрешения категорически запрещалось, а отправившись туда пешком, невозможно было уложиться в один день. Родители Питера предпочитали держаться от магии подальше и никогда бы не позволили сыну приблизиться к урочищу Серых Скал.

Осуществить свое желание Питер смог только спустя шесть лет, когда ему исполнилось шестнадцать. К тому моменту супруги Крей, если им нужно было уехать в соседний город на несколько дней по делам, оставляли мельницу на попечение сына. В их отсутствие можно было попытаться сходить в урочище, но нельзя было оставить без присмотра мельницу. Для решения этой проблемы, Питер решил нанять работника. Поощряя добросовестность, супруги Крей давали сыну карманные деньги, но, в отличие от многих детей, Питер свою «зарплату» не тратил на разные мелочи, а хранил в тайном месте. За несколько лет там накопилась достаточная сумма, чтобы оплатить чужой труд.

Питеру нужен был работник, достаточно квалифицированный и честный, чтобы не угробил за несколько дней семейное дело, но в то же время не задающий лишних вопросов и не имеющий привычки сплетничать. Молчаливый брат соседа семейства Крей подходил на эту роль идеально. Этот угрюмый мужчина с детства подрабатывал на мельницах и совсем не интересовался жизнью других людей.

Оставив хозяйство в надежных руках, Питер получил возможность отправиться в урочище Серых Скал, не волнуясь о доверенном ему родительском имуществе. Пойти туда он намеревался пешком, чтобы не подвергать опасности дорогую лошадь. С собой Питер взял еды и воды на несколько дней, позаботился, чтобы было на чем спать и чем разжечь огонь. Многие вещи, которым современные городские жители годами учатся в секциях спортивного ориентирования, для выросшего в сельской местности Питера были очевидны, так что потеряться в лесу он не боялся.

Теплая летняя погода также играла на руку юному исследователю. Сначала он продвигался вдоль реки, потом через лес, постоянно отмечая дорогу, чтобы потом можно было легко вернуться. Для Питера поход в лес сам по себе был таким же привычным и не требу-

ющим особо сложной подготовки делом, как для современного человека поездка в метро. За первый день путешественник сумел преодолеть две трети пути.

К середине второго дня Питер достиг большой равнины, сразу за которой начинались болота урочища Серых Скал. До болот небо было ясным и чистым, но прямо за ними простирались плотные серые тучи, будто обозначая границу. Заметив столь резкий контраст, Питер испытал благоговейный ужас. Его первой мыслью было возвратиться домой.

Несколько минут парень стоял в растерянности, не зная, что делать, потом сел на траву. Спустя еще десять минут он решил, что пойдет дальше, но стоило путешественнику сделать небольшое движение вперед, как природная осторожность стала рисовать ему портреты разных чудищ. Тогда Питер сказал себе, что вполне доволен своей жизнью и разумнее будет вернуться, но тут же внутренний исследователь стал убеждать парня в том, что он не зря проделал такой путь и потратил почти весь свой денежный запас на оплату труда наемного работника. Питер резко встал, сделал два шага, а затем снова остановился.

Устав от собственных сомнений, он достал из сумки сухарь, оправдывая промедление необходимостью перекуса. После того как сухарь был медленно съеден, в ход пошли другие отговорки: надо срочно подтянуться, внимательно рассмотреть цветок ромашки, помочь взлететь жучку с бронзовой спинкой, разглядить только что замеченную складку на брюках.

За час Питер продвинулся в сторону урочища Серых Скал примерно на семь шагов, а потом остановился, снова сел на траву и достал второй сухарь. Он винил себя по очереди то за трусость, то за безрассудство, перебирая в голове всевозможные варианты, от жуткой смерти до мирового господства, натужно улыбался, якобы любуясь небом, снова читал себе нотации и, наконец, стал есть третий сухарь.

– Лучше монетку подбрось, – слышался низкий голос.

Повернув голову, Питер увидел знакомого ему человека с серой кожей.

– Это вы? – Парень не знал, что сказать.

– Если спрашиваешь, я ли спас твой город от пожара, то да. – Незнакомец улыбался, демонстрируя свои большие заостренные клыки.

Питер инстинктивно насторожился и приготовился к драке.

– А если так! – В этот момент вокруг волшебника образовалось серебристое сияние, и он превратился в приятного на вид мужчину средних лет с черными волосами и смуглой кожей. – Теперь я вызываю больше доверия? – Станный человек будто играл со своим молодым гостем.

Новая внешность действительно заставила Питера немного расслабиться. Заметив, как исчезает напряжение с лица парня, незнакомец продолжил:

– Заметь, мне ничто не мешает превратиться обратно и съесть тебя.

– Я, пожалуй, пойду домой. – Питер сделал шаг назад.

– Такими темпами ты переведешь все сухари, не дойдя до границы леса. Сложная дилемма, правда? Тебе отчаянно хочется узнать, кто я, но мешает страх неизвестности. Можно привести сотню аргументов «за» и столько же «против». Именно этим ты и занимался последние два часа. В таких случаях эффективнее подбросить монетку, а потом смириться с выпавшим вариантом и впредь о нем не жалеть либо принять решение, не думая, а доверившись интуиции.

– Звучит неразумно, – возразил Питер.

– Зато такой подход точно сдвинет процесс с мертвой точки. Еще неразумнее стоять посередине.

– Почему ты потушил пожар? – Питер задал мучавший его много лет вопрос.

– Провел эксперимент. Людям свойственно считать опасным все, что непривычно. Я проверял, насколько сильно данный стереотип укоренился в сознании. Ответ – очень сильно,

на уровне инстинкта. Неважно, что я совершил полезный поступок, люди все равно разбежались из-за моей нестандартной внешности и действий.

– А как ты на самом деле выглядишь? – спросил Питер, заметив, что, разговаривая, они постепенно продвигаются в сторону урочища Серых Скал.

– Я могу принять любой облик: быть мечтой или кошмаром, монстром или героем. Зависит от твоего восприятия.

– Как тебя зовут?

– Если я отвечу, что мое имя Джордж, Сем или Курдизксихар, разве это что-то изменит?

Ты же все равно не сможешь проверить.

– Тогда как мне тебя называть?

– Смотря что ты хочешь от меня получить.

– Знания, – уверенно произнес Питер. – С помощью магии можно решить столько проблем! Я хочу научиться!

– Тогда зови меня Наставник.

В тот вечер для Питера состоялась первая персональная экскурсия в урочище Серых Скал, мир, такой непохожий на привычную глазу Парию. Погода в урочище почти всегда стояла пасмурная, но холода почти не чувствовалось, от земли поднимался дым зеленоватого цвета, но воздух при этом казался свежим. Питер увидел деревья с фиолетовыми листьями, разноцветные цветы, чьи корни свободно свисали с веток, диковинных птиц с тремя головами, ярких бабочек размером с голубя и даже промелькнувшего в зарослях единорога.

– Как необычно! – Питер приблизился к свободно висящему розовому цветку. – Он волшебный?

– Волшебство самой природы. – Маг говорил с парнем, как с наивным школьником. – Этот цветок впитывает питательные вещества прямо из воздуха, а не из земли. Но не беспокойся, та магия, за которой ты пришел, здесь тоже есть. Прямо сейчас начнется одно из самых впечатляющих явлений этой земли.

Питер и Наставник подошли к небольшой прогалине в болотистом лесу. Волшебник жестом приказал Питеру молчать и слушать. Спустя минуты две парню в лицо ударил резкий порыв ветра, а возле уха промелькнул лоскут белой ткани. Подняв голову, Питер увидел странное существо: на толстой ветке стояла полупрозрачная женщина в растрепанной одежде со совершенно белыми волосами и ярко-красными губами. На ее лице можно было разглядеть следы тяжелой болезни. Почти сразу появился еще один призрак, потом еще и еще.

– Не бойся, – предупредил Наставник. – Они не тронут. Перед тобой духи людей, чьи страдания при жизни были столь сильны, что не дали их душам обрести покой после смерти.

Скоро духи стали слетаться со всех сторон: мужчины, женщины, дети, молодые, взрослые, старики. Когда их набралось больше сотни, призраки закружились, образуя единый поток. Раздались оглушающие визги и вой, проникающий в самое сердце. В этих звуках слышалось столько гнева, обиды, ненависти и боли, что Питер зажал уши и скорчился от боли.

– Прекратите это! – взмолился парень, упав на землю.

Страшная песня привидений жгла его изнутри. Захотелось одновременно рыдать, драться, мстить и кричать, а голова грозилась расколоться на несколько кусков.

– Слушай их разумом, не сердцем, – строго произнес Наставник. – Измени свое восприятие, иначе их страдания разорвут тебя на части.

– Я... не... могу... – Питер отчаянно затыкал уши.

– Кто-то из них умер от ужасных болезней, даже не будучи совершеннолетним, кого-то пытали так, что он молил о смерти, а кто-то много лет жил в сером, равнодушном мире, не видя солнца, но ты с этим ничего поделать не можешь, поэтому нет смысла сочувствовать. Лучше сделай вывод и не бери на себя чужой вины и чужого горя.

«Разумом, не сердцем... Ничего не могу сделать...» – повторял про себя Питер, стараясь сосредоточиться. Собрав волю в кулак, он резко выпрямился, открыв при этом глаза и уши. Визги постепенно стихли, а вместо них полилась мелодичная, но грустная музыка, сопровождаемая песнями, похожими на те, что исполняет церковный хор. Призраки кружились то медленно, то быстрее в своем танце, создавая феерическое зрелище. Завороженный Питер даже смог различить отдельные лица и слова.

– Это... потрясающе... – прошептал юноша.

– Видишь, как много зависит от твоего восприятия, – прокомментировал Наставник.

– Значит, я прошел испытание?

– Раз жив – значит, прошел, – усмехнулся в ответ волшебник.

С этого момента началось обучение Питера. Наставник рассказывал ему о свойствах трав, сочетаниях слов и жестов. С помощью специального отвара Питер научился за одну получасовую пробежку преодолеть расстояние от родительской мельницы до урочища Серых Скал и при этом не чувствовать усталости. Благодаря вновь полученным навыкам обращения с ветром и камнем на работу также стало уходить меньше времени. По мере того как перед ним раскрывались тайны магии, Питер ощущал себя все более сильным. Разумеется, вся эта новая жизнь проходила втайне от родителей и друзей. Парень очень хорошо усвоил самый первый урок: неподготовленным людям все непохожее кажется опасным, – поэтому скрывал свои новые умения от посторонних глаз.

Однажды Питер задал своему учителю вопрос, который периодически волнует каждого из нас:

– Скажи, можно ли повернуть время вспять?

– Если хватит решимости, – мягко произнес Наставник.

– Так это возможно! – воскликнул Питер.

– Не спеши радоваться. Если бы это было просто, мир стал бы идеальным местом, где каждый мог бы исправить свои ошибки, вернувшись в прошлое.

– Расскажи как, а я сам буду решать, просто это или сложно, – упорствовал юноша.

– Нужно составить из рун определенную последовательность, ориентируясь на дату, куда ты хочешь вернуть время. Но цена за такой поворот высока: покусившегося на незыблемость истории разорвет на части высвободившийся пространственный поток. При этом решивший принести такую жертву должен быть абсолютно уверен в том, что делает. Малейшие сомнения – и ничего не получится.

– Но если отодвинуть время назад, и самому исчезнуть, история не изменится, а всего лишь повторится еще раз, – заключил Питер. – Получается, в ритуале нет смысла.

– Возможно. Ничто и никто не может существовать вне времени, ну или... почти никто...

Последние слова заставили Питера усомниться в бесполезности ритуала. На всякий случай он внимательно выслушал и запомнил, какие руны следует использовать. В общей сложности Питер и его Наставник общались около года. Потом таинственный волшебник исчез. Питер много раз ходил в урочище Серых Скал, пытался найти своего учителя, но тот так и не объявился. «Интересно, – думал юноша, – его исчезновение – знак того, что я готов развивать свои навыки самостоятельно или Наставнику просто надоели наши занятия». Для себя лично парень выбрал первый вариант, настраивающий на более оптимистичный лад.

Магию Питер использовал для лечения людей и облегчения домашнего труда, продолжая совершенствовать свое мастерство. Он часто навещался в урочище Серых Скал за нужными травами, но никогда не заходил дальше определенной границы, помня о подстерегающей неопытного человека опасности. К примеру, если побеспокоить ведьм во время шабаша, можно потом не собрать собственных костей. Также следовало быть осторожным

с некоторыми животными и растениями, а о попытке навестить замок Мейгл Терезы Бор и речи быть не могло.

Питер понимал, что не сможет стать полностью своим в волшебном мире урочища, но не сильно переживал по этому поводу. Его вполне устраивала размеренная жизнь на процветающей мельнице, уважение соседей, любовь родителей и внимание местных девушек. Питер планировал обзавестись своей семьей, а потом стать старейшиной города Парии, но беспощадная реальность внесла свои коррективы в его мирные намерения.

Иллирион не существовал в вакууме. На востоке королевство имело общую границу с другой, ныне забытой страной под названием Барабос, где касающиеся магии законы были намного строже. За колдовство полагалась либо смертная казнь, либо пожизненное тюремное заключение, но некоторые полезные для правителя Барабоса волшебные события периодически объявлялись чудом, а чудотворцы вместо гонений получали награды. В чем именно состояло различие между греховным колдовством и нужным чудотворством, никто объяснить не мог, так как ее определял сам правитель и его приближенные. Согласитесь, удобно, когда можно легко убрать неугодного человека, объявив его колдуном, а чтобы в случае необходимости быстро решить проблему, достаточно попросить о «совершении чуда». В такой системе плохо только одно – медленное развитие. Как известно, если в какой-то области – будь это магия или гончарное производство – слишком сильны меры контроля, все новые идеи будут связаны исключительно с тем, как эти меры обойти.

Несмотря на видимое неприятие волшебства, правитель Барабоса понимал огромный военный потенциал магического искусства. Урочище Серых Скал представлялось ему неиспользованным полем новых возможностей для создания совершенного оружия. Уверенный, что сможет установить там нужный порядок, правитель Барабоса предложил королю Иллириона пакт о ненападении: по условиям договора урочище Серых Скал признавалось исторической территорией Барабоса, была приведена целая доказательная база, включающая сведения о родстве племен, языковых группах и упоминаниях в стихах.

Сопоставив все «за» и «против», король Иллириона решил отдать территорию в обмен на безопасность восточных границ. В конце концов, урочище Серых Скал уже давно жило своей жизнью, не подчиняясь общим законам; вреда от него не было, но и пользы король Иллириона не видел. Это был образованный, интеллигентный правитель, много времени проводивший со своей семьей. Он не желал никому зла, но в результате так и не научился умирять противоборствующие силы в своем государстве.

Узнав о готовящемся пакте, Мейгл Тереза Бор, хозяйка урочища Серых Скал, сразу поняла, что переход под юрисдикцию Барабоса не сулит ее земле ничего хорошего. Мейгл прекрасно знала, что она сама и вся ее свита больше привыкли к поединкам, чем к войне. Перед организованной, хорошо оснащенной армией Барабоса все их знания могли оказаться бесполезными. К тому же, в Барабосе было не принято считать людские потери, наоборот, периодическая чистка в рядах военных считалась хорошей антимятежной практикой. Радовало Мейгл только то, что король Иллириона в своем решении подписать пакт не имел полной поддержки двора. Интригами и обещаниями она переманила на свою сторону несколько влиятельных людей. Остальное было делом техники.

Ясным зимним днем из окна своего дворца король Иллириона увидел идущую с петицией толпу. В их документе приводилась куча аргументов в пользу того, что урочище Серых Скал является исторической территорией Иллириона и отдавать его никак нельзя. Увы, к тому времени король уже взял у Барабоса заем на льготных условиях и отменить подписание пакта не мог. Сделав глубокий вдох, он отметил, что толпа не вооружена. Король приказал своим охранникам сдерживать протестантов, но не стрелять по ним.

Примечательно, что большая часть бунтующих даже не знала, где именно находится урочище Серых Скал, но умелая агитация Мейгл и ее сторонников пробудила в них страх

потери. Так старая игрушка может годами валяться в комнате ребенка без надобности. Если ее убрать потихоньку, он даже не заметит, но если сообщить вслух, что собираешься навсегда, без права на возврат отдать ее соседу, тот самый пыльный замученный заяц вдруг станет необходим вашему ребенку, как воздух. То же самое происходит, когда начинаешь разгребать старые вещи: сначала выкраиваешь время, настраиваешься, открываешь антресоли/шкаф/сарай и вытаскиваешь оттуда весь накопившийся мусор. И вот он – момент X. Если быстро собрать все в мешок и выкинуть, цель будет достигнута. Но тут ты внезапно замечаешь свой старый кораблик, который вы делали вместе с бабушкой, или сломанную дрель, за которой пришлось отстоять три часа в очереди, или самовар, который поставили на семейный стол один раз за двадцать лет. И понеслось: сердце екает, накрывают воспоминания. Ты внимательно осматриваешь каждую вещь, нежно сдуваешь с нее пылинки, а потом думаешь над вариантами ее использования. Заканчивается процедура обычно тем, что весь хлам убирается обратно на антресоли/шкаф/сарай в другом порядке еще лет на десять, пока снова не возникнет острое желание разобрать старые вещи.

На практике сознание толпы мало отличается от детского, и лишь немногие могут переосмыслить то, что предлагают умелые агитаторы. Стараниями команды Мейгл демонстранты разбили на дворцовой площади лагерь и заявили, что не уйдут, пока король не вернет урочище Серых Скал Иллириону. Дальше события стали развиваться с ужасающей скоростью: король Иллириона не стал специально разгонять собравшихся в надежде, что те замерзнут и уйдут сами, но удача явно от него отвернулась. Зима в тот год выдалась теплая, температура колебалась около ноля градусов. Лагерь протестантов на дворцовой площади продолжал расти, произошло несколько стычек с королевской гвардией. Многие ходили на демонстрацию как на работу, организовались полевая кухня и походная церковь. Бесплатная еда, которую постоянно приносили сочувствующие протестующим, привлекла на площадь бездомных, пьяниц и прочих бездельников, которым не было дела до политики, а просто хотелось есть.

Мейгл и король не были единственными, кто хотел отстоять свои интересы. Увидев в лагере демонстрантов возможности для собственного продвижения, активизировались другие силы, в частности давно метивший на трон брат короля. Через месяц речь шла уже не конкретно об урочище Серых Скал, а о том, что король не справляется со своими обязанностями, Мейгл следует выгнать из страны, а с Барабосом разорвать всякие связи. Протесты перестали быть мирными, стычки с солдатами вошли в привычку и переросли в организованные нападения. Масла в огонь подлил сам король. Не зная, как разрешить ситуацию, он вместе с семьей сбежал в Барабос, фактически оставив страну обезглавленной.

Казалось бы, как все эти интриги в столице могут касаться Питера, который в жизни не ездил дальше соседнего города? Сначала до жителей Парии доходили лишь отдельные слухи о начавшихся волнениях. Потом стали падать доходы от торговли, оборвалась связь с соседними провинциями. Питер всеми фибрами души чувствовал опасность. В начале лета он решил по привычке навестить в урочище Серых Скал. К тому времени он уже стал молодым мужчиной, которому не нужно спрашивать разрешения родителей. Как обычно, Питер перешел через равнину к опушке заболоченного леса, над которым нависали мрачные тучи. За годы практики он стал чувствовать себя там совершенно свободно.

Собирая нужные травы, Питер неспешно продвигался по зарослям. Внезапно его внимание привлек шум ломающихся веток. Впереди Питер заметил семейство лесных троллей, высоких, полных, по большей части добродушных увальней с редкими волосами и плотной светло-зеленой кожей. Мужчине и раньше случалось наткнуться на троллей. Он знал, что те никогда не нападают первыми, а рассердить их может разве что попытка отобрать еду, поэтому не стал прятаться. Но тут совершенно неожиданно самый крупный тролль, по-

видимому глава семейства, издал громогласный рык, и через секунду все они кинулись на Питера с налитыми кровью глазами.

Инстинкт самосохранения заставил опешившего мужчину броситься наутек. Выбирая путь среди деревьев, Питер создавал громилам дополнительные препятствия, но оторваться от погони никак не получалось. На небольшой поляне беглец заметил дерево особой породы, чья древесина при горении образовывала очень едкий дым. Прощмыгнув мимо, Питер быстро произнес заклинание огня и ветра, чтобы дым встал плотной завесой между ним и троллями. Едва не задохнувшись от кашля, преследователи отступили, а Питер потушил огонь, чтобы не спалить все урочище. В тот день он благополучно вернулся домой, решив больше не ходить за травами, пока не поймет, что разозлило троллей.

Как выяснилось позже, нападение на Питера стало отголоском начавшейся войны. Несмотря на бегство короля Иллириона, заключенный им пакт вступил в силу, и армия Барбоса двинулась на урочище Серых Скал, которое они теперь считали своей территорией. Бежавшие от до зубов вооруженных солдат тролли, как и прочие обитатели болот, стали считать всех людей своими врагами.

Приходившие вести были одна мрачнее другой. На фоне дрязг в королевском дворце лорд провинции Вирсав, на территории которой располагался город Питера, решил объявить независимость своей земли от столицы Иллириона. Раскрученный маховик гражданской войны достал жителей Парии.

Впервые о том, что Вирсав становится отдельным государством, Питер услышал на рыночной площади.

– Эй, Пит! – Друг детства Джарред слегка толкнул его локтем. – Я иду туда с ними!

– С кем? – мрачно спросил Питер.

– Ты что, не слушал полковника Барроу?! Эти звери из королевской гвардии под началом самозванца сожгли крестьян, которые спрятались в церкви! Наш долг отомстить, понимаешь?!

– Я понимаю, что так сказал полковник Барроу. Сам я там не был и не знаю, почему загорелась церковь.

– Ты глухой или тупой?! – возмутился Джарред. – Наш король призвал армию Барбоса, чтобы покончить с урочищем Серых Скал, а его брат-самозванец обманом захватил власть, на которую не имел права.

– Насколько мне известно, король сначала сбежал, а уж потом опустевший трон занял его брат, – пытался возражать Питер. – И почему ты считаешь, что нужно покончить с урочищем, когда даже ни разу там не был?

– Ты вообще в каком мире живешь?! – Глаза Джарреда горели гневом. – В церкви сожгли невинных людей, таких же, как мы, а ты тут рассуждаешь о королях!!!

– Думаешь, твоя смерть поможет воскресить пострадавших? – спросил Питер.

– Предатель! – с этими словами Джарред исчез в толпе людей, направляющихся в лагерь Барроу, чтобы вступить в ряды его армии.

Питер смотрел им вслед, понимая, что провожает не только друга, но и свою привычную жизнь. Скоро продовольствие стали отбирать силой то лорд Вирсава, то королевская гвардия, то прятавшиеся в лесах партизаны, больше походившие на разбойников. Размеренная жизнь, к которой привык Питер, была полностью уничтожена. Вместе с постаревшими родителями он вынужден был бежать в столицу Вирсава. Полученные в ранней юности навыки целительства помогли Питеру устроиться на работу в больницу. Сельские пейзажи и звездные ночи сменили виды оторванных конечностей и вываливающихся кишок.

Вокруг говорили о независимости Вирсава, о предательстве со стороны столицы и о страшном зле в урочище Серых Скал. Питер считал и то и другое глупостью, но был в меньшинстве. Больше всего мужчину волновало не то, что приходится каждый день собирать

солдат по частям и следить, как бы не вспыхнула эпидемия, а то, что он не мог понять причину творившегося кошмара. Вспоминая день, когда Наставник научил его слушать песню духов разумом, а не сердцем, Питер продолжал выполнять свои обязанности в больнице, гарантировавшие ему относительно спокойное существование. Со слов раненых мужчине даже удалось постепенно разобраться в предыстории начавшейся войны.

В сложившихся условиях Питер старался не привлекать внимания к своим особым навыкам, но и оставаться совсем равнодушным к чужой боли тоже не мог. Постепенно его отличие от других военных врачей становилось заметным.

– Вас хочет видеть полковник Барроу, – сообщила одна из медсестер.

– Иду, – ответил Питер, мысленно задав себе вопрос. – *Что этому «предводителю правоверных» понадобилось от скромного доктора?*

На улице мужчину встретила группа вооруженных солдат из личной охраны Барроу.

– Я арестован? – Питер заподозрил неладное.

– Для безопасности, – пояснил один их сопровождающих.

Солдаты отвели Питера в здание штаба. Там в просторном кабинете его встретил высокий жилистый мужчина, лет пятидесяти на вид. Это и был полковник Барроу, один их самых ярых сторонников независимости Вирсава.

– Вы хотели меня видеть? – начал разговор Питер.

– Да, закрой дверь, – откликнулся полковник. – Моему адъютанту оторвало руку, и его отвезли в вашу больницу.

– На войне такое случается, – произнес Питер вошедшую в привычку фразу.

– Кто спорит, случается. – Барроу хитро оскалился. – Мне странно другое. Спустя день я снова увидел его в строю с обеими руками. Как такое возможно? А, доктор?

– У меня столько пациентов... – Питер старался говорить спокойно. – Не могу вспомнить одного конкретного.

– Поэтому принимаете в больницу врагов? – Полковник слегка повысил голос.

– Врагов? – устало переспросил Питер. – Нет, только больных.

– Даже если они солдаты королевской гвардии?

– Они прежде всего живые люди. – Питер понял, что просто так его из штаба не выпустят.

– Эти люди сожгли заживо в церкви мою крестницу! – воскликнул Барроу.

– Именно те самые, которых лечил я? Вы уверены?

– Они принадлежали к королевским войскам! Разве ты не понимаешь?! Сейчас война!

– И за что мы воюем? – Голос доктора звучал измученно.

– За наши семьи и свободу Вирсава!

– А разве мы не были свободны?! – сорвался Питер. – Это сейчас мы вынуждены каждый день ждать смерти или увечья, находясь в плену у собственного страха! Брат беглого короля, конечно, собирал налоги, но не более чем наш предыдущий правитель. Один или другой – какая разница?! Бесчинства начались, когда вы и вам подобные объявили Вирсав отдельным государством. Выходит, вместо того чтобы держаться подальше от столичных интриг, мы сами лишили себя благополучия, еды, покоя, рук и ног!

Барроу в ответ метнул в сердце собеседника кинжал. Питер инстинктивно поставил магический блок с помощью специального жеста, и оружие отскочило, не причинив вреда.

– Так это правда?! – торжествовал полковник. – Ты действительно владеешь магией!

– Совсем немного, – честно признался Питер. – Я не умею одним щелчком разрушать крепости и убивать сотни врагов, если вы об этом спрашиваете.

– А это мы еще посмотрим, – фыркнул Барроу. – Ты переводишься в действующую армию. Или предпочитаешь сражаться за свое урочище?

– Я учился магии для удобства, желая не власти, а только более комфортной жизни для близких и больше времени для самого себя. Сражаться я вообще не умею. Позвольте и дальше приносить пользу в больнице. Не волнуйтесь, свое мнение о войне я держу при себе и не пытаюсь организовать сопротивление.

– Разве тебе не за кого мстить?

– Кому? Гвардии? Они лишь выполняют приказы. Новому королю? Он ведет себя так, как повел бы любой политик на его месте. Признай он независимость Вирсава, и на следующий день Иллирион распадется на куски, потому что каждая провинция объявит себя отдельной страной. Причем в итоге, поскольку мы уже не сможем дать организованный отпор настоящим врагам, часть земель достанется Барабосу, а часть – другим соседям. Впрочем, из-за гражданской войны Иллирион все равно распадется, только с большей кровью. Что касается жителей урочища Серых Скал, то они такие же разные, как и мы с вами. Конечно, среди них есть и ненавидящие людей фанатики, но совсем немного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.